

ВЕТЕР МЕЧТЫ

MYSTIC & FICTIONS

АННА
СЕМИРОЛЬ

ОФЕЛИЯ

Mystic & Fiction

Анна Семироль

Офелия

ИД «Флюид ФриФлай»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Семироль А.

Офелия / А. Семироль — ИД «Флюид ФриФлай»,
2019 — (Mystic & Fiction)

ISBN 978-5-906827-93-7

Старая добрая Англия середины XX века. На материке во Вторую мировую войну во время испытаний нового оружия образовалась зона наложения двух миров. И пока военные в Европе всеми силами старались сдержать проникновение существ из параллельного мира, дельцы наладили торговлю мифическими существами. Англичанин мистер Палмер купил себе самую настоящую русалку – живую игрушку, беспомощную, испуганную и опасную для всех, кто решит познакомиться с ней поближе. Но его двенадцатилетний сын Питер не думает о грозящей ему опасности и не желает видеть в Офелии врага рода людского...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-906827-93-7

© Семироль А., 2019
© ИД «Флюид ФриФлай», 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	31
Глава 8	36
Глава 9	40
Глава 10	45
Глава 11	50
Глава 12	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Анна Семироль

Офелия

Оксане Ветловской – волшебнице слова

© Анна Семироль, 2019

© ИД «Флюид ФриФлай», 2019

Глава 1

За завтраком Питер сказал: – Я видел девочку в нашем пруду.

Мистер и миссис Палмер обменялись вопросительными взглядами, Ларри – старший брат двенадцатилетнего Питера – отвлекся от чтения утренней газеты. Только Агата пожала плечами и продолжила возить ложку по остывшей овсянке в своей тарелке.

Питер поерзал на стуле и добавил:

– Я правду говорю. Сам видел. Она одетая купалась. В белом платье.

– Прислуга совсем обнаглела, – подражая материнскому тону, заявила Агата. – Сейчас в наш пруд полезли, а что завтра устроят? Не пора ли с этим разобраться?

Агате было пятнадцать, и она считала себя взрослой и очень умной. Постоянно влезала со своим мнением, во всем подражала маме и мечтала стать светской львицей. Только Питер считал, что выглядит она при этом ужасно нелепо. Правда, еще нелепее сестра смотрелась, когда накручивала себе белокурые локоны маминой плойкой: после завивки они торчали в разные стороны и прическа Агаты вызывала больше сочувствие, чем восхищение.

Ларри пошелестел газетой, сворачивая ее, и обратился к Агате елеуслышим голосом:

– Сестрица, милочка, тебе не о чем беспокоиться! Твоя невероятная красота надежно скрыта под слоем прыщей, фигура настолько идеальна, что при ветре ты гремишь костями, а больше с тебя взять...

– Ларри! – гневно воскликнула миссис Палмер. – Прекрати издеваться над сестрой!

– Ага, – широко ухмыльнулся старший брат и отхлебнул чай из стакана в узорчатом подстаканнике. – Уже прекратил.

Питер представил себе, как с моря налетает сильный ветер, надувает Агате подол платья, и она громыхает, как банка с сухим горохом. Воображение нарисовало мальчишке настолько яркую картинку, что он не смог удержаться от смеха.

– Все братья в мире – противные! – горестно возопила Агата. – Грубые, бессердечные, тупые...

– Вонючие, – продолжил Ларри невозмутимым тоном, бесшумно размешивая сахар в чае ложкой, – черствые, приземленные, убогие, гнусные, подлые, ехидные, пошлые, агрессивные, коварные, наглые, жадные...

– Ларри, – с укоризной обратился к сыну Леонард Палмер, – тебе сколько лет?

– Достаточно, чтобы его забрали в армию! – выпалила Агата. – Папа! Почему ты его не отдашь на службу? На войне такие здоровые кретины нужны!

– Нет уж, – возразил Ларри. – Сперва тебя в пансионат для дистрофиков.

– Агата! Лоренс! – хором вскричали родители.

Питер очень старался не смеяться громко, соблюдая приличия, но это было просто невозможно. Когда Ларри начинал поддевать Агату, она ужасно смешно выпучивала глаза, сжимала губы и то краснела, то бледнела. Ругаться они могли бесконечно. Недавно даже подрались, и отцу пришлось облить их водой из ведра, чтобы разнять.

Вытирая набежавшие от хохота слезы, Питер задел локтем чашку с какао, и по скатерти разлилось молочно-шоколадное море. Стремясь поскорее поставить чашку обратно на блюдце, мальчишка случайно смахнул на пол подставку для яиц. Голубоватый с прожилками фарфор разлетелся вдребезги.

– Пирожок! – громыхнул басом отец. – Вон из-за стола!

Веселье как рукой сняло. Питер вздохнул, понуро опустил голову и поплелся из столовой прочь. В дверях услышал, как Агата сказала маме, что Питер все сшибает, потому что неуклюжий из-за лишнего веса.

– Ему пора на диету, – донеслось до мальчишки уже в коридоре. – А то до сходства со слоненком не хватает только хобота!

«Ну и дура!» – со злостью подумал Питер, топя погромче, чтобы не слышать больше обидных слов. А еще он подумал, что надо рассказать друзьям мальчишкам, что Агата на самом деле – подменш и ночью пьет куриную кровь. Потому и злюка такая. Йонас точно поверит. Он знает толк в оттудышах. Потому Питер с ним и дружит: столько историй, сколько рассказывает о них Йонас с материка, не знает никто. А еще Йонасу абсолютно все равно, сколько весит его друг.

«И в девчонку в пруду Йон поверит», – кивнул сам себе Питер, осторожно отпирая скрипучую дверь в комнату Ларри. Он проскользнул туда и на цыпочках подошел к заваленному книгами и недоделанными моделями парусников стеллажу. Там, на верхней полке, Ларри держал бинокль. Настоящий, военный. Тяжелый и как солдатская форма цветом – темно-зеленый. Бинокль Ларри подарил его друг Уилл Мерфи, когда вернулся с фронта. Подарил – и на следующий день повесился в конюшне за усадьбой. Уилл оставил перед смертью письмо. Что в нем было, Питер не знал. Мистер Мерфи показал его только Леонарду Палмеру, и после этого отец строго-настрого запретил старшему сыну даже упоминать об армии.

Питеру не разрешалось брать бинокль без спроса. Как и заходить в комнату старшего брата. За такие проступки Ларри мог запросто надрать ему уши или заставить мыть полы вместо горничной. Может, в другой раз Питер бы и не сунулся за биноклем, но сегодня ему очень хотелось разглядеть девочку в пруду за домом. А еще было обидно, что никто не воспринял его новость всерьез.

«Быть младшим отвратительно, – горестно вздохнул Питер, залезая на письменный стол брата. – Тебя либо никто не замечает, либо разговаривают с тобой так, будто ты во всех бедах мира виноват».

Мальчишка встал на цыпочки, достал кончиками пальцев до края полки, осторожно пошарил, нащупал кожаный ремешок, на котором висел бинокль, и бережно потянул на себя, ощущая тяжесть одетых металлом линз.

«Только бы на голову не уронить», – успел подумать Питер, и бинокль свалился на него, увлекая за собой модели кораблей. Мальчишка пошатнулся, неловко отступил назад, и под башмаком что-то хрупнуло. Напуганный Питер спрыгнул со стола, прижимая к себе бинокль обеими руками, и лишь потом оглянулся посмотреть, что же он такое раздавил.

Так и есть: мачты белоснежной маленькой яхты «Принцесса Елизавета» оказались сло-манными в нескольких местах, паруса и снасти безжизненно повисли. Питер крепко зажмурился, предвкушая выволочку от брата, схватил яхту и бинокль и выскочил в коридор. Прикрыл дверь, будто его тут не было, и помчался в свою комнату. Там он положил кораблик в ящик, который тут же задвинул под кровать, разулся, чтобы не топтать так предательски, и направился на верхний этаж.

Питер любил бывать в оранжерее. Мама была гением садоводства и даже в доме умудрилась создать заросли самых разных растений. Если на улице сад семьи Палмер показывал себя во всей красе лишь с мая по сентябрь, оранжерея радовала хозяев и гостей буйным цветением круглый год. Когда мистер Палмер отправлялся на материк, он обязательно привозил жене разные растительные диковины. Пальмы, орхидеи, миниатюрные хвойники, южные цитрусы, суккуленты, ароматные тропические цветы – все это прекрасно уживалось под чутким присмотром миссис Палмер. С раннего детства Питер играл в оранжерее с братом и сестрой в приключения, пиратов, путешественников, искателей сокровищ и ловцов монстров. И в войну, конечно. Хоть за это и доставалось от мамы.

«Никакой войны в нашем доме! – строго отчитывала детей миссис Палмер. – Не накличете беду! Война далеко. Не вздумайте звать ее сюда».

Питер пробежал под разлапистыми пальмами, обогнул маленький бассейн, в котором жили лотосы и водяные лилии с материка, удержался от соблазна стянуть парочку кумкватов с деревца в кадке и протиснулся между корзинами с ампельными геранями и яркими калибрахоэ к окну. Здесь, на широком подоконнике, он оборудовал себе тайное место еще два года назад. Питер любил забираться на подоконник с ногами и воображать себя затерянным в тропиках. Или Робинзоном, глядящим в морскую даль в ожидании паруса. Морской далью обычно был пруд, который по приказу отца вырыли за домом почти пять лет назад. Семилетнему Питеру округлая яма глубиной десять метров и диаметром метров в сорок казалась огромной. Заполнялся пруд проточной водой из быстрого ручья, впадающего в Даур. От ручья пруд отделяла металлическая решетка, возвышающаяся над водой на три метра и вмонтированная в дно. Мистер Палмер оборудовал берег пруда подсветкой, сделал бетонный пляж, установил ограждения у кромки воды, чтобы дети или гости не свалились в глубокий водоем. Ровно посередине располагалась площадка с гротом из привезенных с побережья каменных глыб. Основание площадки, уходящее в глубину, также представляло собой систему подводных пещер. Питеру вся эта конструкция напоминала большущее дерево с дуплами и кроной-площадкой над водой. Еще одной достопримечательностью пруда и дома Палмеров стало круглое окно из толстого стекла: оно располагалось под землей, занимая полностью одну стену подвального этажа. И через него было видно, что происходит под водой.

Питеру была интересна возня вокруг пруда. К отцу постоянно приезжали разные люди, он показывал им созданный водоем, долго советовался, чем лучше выложить дно, нужен ли на дне рельеф, какие растения высаживать по берегу, какие – под водой. А когда гости трапезничали в оборудованной у подводного окна второй гостиной, наступала очередь вопросов для детей.

– А рыбы будут? – спрашивал Питер. – А можно дельфинов? А черепах? А почему нам нельзя там купаться? А зачем под водой свет?

Взрослые отшучивались, отмахивались от мальчишки, толком ничего не объясняя. Агата сказала, что пруд папе с мамой нужен для красоты – как оранжерея, и Питер постепенно охладел к водоему. Что толку в пруду, в котором нельзя купаться и ловить рыбу? Можно только сидеть на мостках над водой – и то в сопровождении старших.

Как-то мистер Палмер увидел, что одна из служанок на берегу стирает белье. Ух и влетело же бедняге! «Ни в коем случае нельзя, чтобы в воду попала химия или мусор! – бушевал хозяин усадьбы. – Еще раз увижу – уволю всех!»

А сегодня с утра в пруду купалась девчонка. Вот так. Спокойно плавала, не боясь. Питер сидел на подоконнике с книжкой про супершпионов, которую ему одолжил одноклассник, увлеченно читал. И заметил движение краем глаза. Отвел взгляд от приключений Джерома В Два Счета, который вскрывал любые сейфы влегкую, и увидел ее.

Чуть в стороне от островка с гротом из воды виднелась светловолосая голова и плечи. Волосы у девчонки были длинные-длинные и на фоне темной воды казались совершенно белыми. Круглое лицо, смешные оттопыренные уши. Издалека Питеру показалось, что девчонка – его ровесница или чуть младше. Незнакомка легла на спину, раскинув в стороны руки, и Питер обратил внимание на ее платье: белое, длинное, полностью скрывающее девчонкины ноги, состоящее из множества лент разной ширины. Девчонка не спеша гребла руками, и развевающиеся волосы и движение лент в воде делали ее похожей на медуз, которых Питер видел в порту Дувра. Зрелище завораживало. Как будто на темной глади пруда распускался белый цветок со множеством лепестков.

Книжка соскользнула с колен и упала на пол. Питер нагнулся поднять ее, а когда снова выглянул в окно, девчонки в пруду уже не было. И на берегу тоже. Мальчишке стало ужасно любопытно, куда она делась. А так как на днях отец строго-настрого запретил им с Йонасом играть возле водоема, Питер решил сперва изучить окрестности пруда из окна.

Мальчишка забрался коленями на подоконник, поднес бинокль к глазам и принялся подкручивать окуляры, наводя резкость. «Наверное, она из кустов пришла, – рассуждал он, рассматривая спокойную водную гладь. – Местные мальчишки прокопали лаз под оградой, и она на спор пришла купаться. Смелая девчонка! Наверное, было бы здорово с ней подружиться». Питер вглядывался в прибрежные заросли до рези в глазах, но так и не разглядел лазейку. И конечно, девчонку тоже не увидел.

Он вздохнул, опустил бинокль. Ничего не получится. Как бы ему ни мечталось о смелой подружке, которая умела бы драться на палках, лазила по деревьям, читала книжки про пиратов, шпионов и знала наизусть рассказы о Шерлоке Холмсе.

– Ну и ладно, – с досадой произнес Питер. – Зато у меня будет своя тайна. Только Йонасу ее и расскажу.

– Про что расскажешь? – раздался за спиной насмешливый голос Ларри.

Питер вздрогнул, испуганно вцепился в бинокль. «Ну все, я попался», – уныло подумал он и сразу выпалил:

– Прости, я яхту твою поломал... Я нечаянно! Я почию, Ларри! И бинокль вот, возьми, спасибо. С ним ничего не случилось. И это... мне полы помыть, да?

Брат ухмыльнулся, отвесил ему легкий подзатыльник.

– Ты кого там разглядывал? – кивнул он в сторону окна. – Да еще и в бинокль.

Питер засопел, думая, открыть Ларри тайну или нет. Решил, что Ларри все-таки не отец, орать не будет.

– Утром я тут читал книгу, – начал он осторожно. – Ее надо отдать послезавтра, мне мальчик в школе одолжил. Она классная, про супершпионов и суперсыщиков. Как Эркюль или Шерлок. И Мориарти.

– А бинокль-то зачем? Шрифт мелкий? – усмехнулся Ларри и сел рядом с Питером на подоконник, сдвинув в сторону горшок с ярко-красной геранью.

– Не, шрифт хороший, – заулыбался младший брат, поняв, что нагоняя не будет. – А бинокль... Там девочка купалась. В нашем пруду. И я...

Он запнулся, поняв, что ситуация глупая. Девчонка уже десять раз как ушла, а он примчался сюда в надежде ее снова увидеть. И сам себя убедил в том, что ищет какой-то лаз в кустах.

– Девчонки дуры, – миролюбиво произнес Ларри. – Но на голых девок можно и в бинокль поглядеть. Только, знаешь, Пирожок... это не девчонка была.

От удивления Питер чуть с подоконника не свалился. Ему даже страшно стало на миг.

– Как – «не девчонка»? Я же видел...

– Это папина русалка. Ему ее привезли на прошлой неделе, вы с Агатой в школе были. Мы вам решили пока не говорить. Отец думал, что она умрет. Ее везли долго, в плохой воде. Она рыбу не ела, пряталась. Ну мы и не говорили вам.

Ларри говорил это настолько будничным тоном, что Питер решил, будто брат над ним шутит. Живая русалка стояла дороже нового автомобиля. Наверное, как десять новых автомобилей. Или половина усадьбы. Да и зачем папе русалка?

– Ларри, я уже не маленький, – сурово заявил Питер, для солидности расправив плечи и пытаясь втянуть живот. – Я тебе не верю. Это была просто девочка.

Брат поскреб заросший щетиной подбородок, пожал плечами. Снял с шеи Питера бинокль, поднес к глазам.

– Ну раз ты такой взрослый... – задумчиво сказал он и замолчал, рассматривая что-то.

Питер нашарил за цветочными горшками книгу, вытащил ее и собрался уже уйти, но задержался и взглянул в сторону пруда. По поверхности расходились круги. Словно кто-то бросил туда камень.

«Это всего лишь рыба», – решил мальчишка и пошел к выходу из оранжереи. Девчонка девчонкой, а модель яхты надо починить до того, как у Ларри испортится настроение и он решит вздуть брата за испорченный кораблик.

Глава 2

Июньский день выдался душным, от жары клонило в сон. Питер клевал носом и медленно водил по бумаге кончиком карандаша.

– Мистер Палмер, так о чем же вы думаете?

Голос учителя раздался прямо над ухом и заставил Питера подскочить на месте от неожиданности. Громыкнула задетая крышка парты, покатались на пол карандаши. Класс захихикал, предвкушая потеху.

– Я замечтался, сэ, – пролепетал Питер, старательно закрывая ладонью рисунок на промокашке в раскрытой тетради. – Прошу меня простить.

– Надеюсь, ваш открытый рот и остекленевший взгляд говорили о том, что грезили вы о прекрасном творчестве Шекспира? – произнес учитель строго и добавил: – К доске.

Отвечать у доски Питер терпеть не мог. Всякий раз его охватывал непонятный ему самому страх. Одноклассники замирали, ожидая, когда потеющий толстячок перестанет то краснеть, то бледнеть и наконец протянет нерешительное овечье «Э-э-э...». Класс взрывался хохотом, мальчишки принимались дружно блеять, Питер ударялся в панику и напрочь забывал все, что готовил к уроку. Учителя быстро теряли терпение и украшали дневник Питера очередным неудом. Раздосадованный мальчишка умолял позволить ему еще раз попытаться или ответить письменно, но чаще всего нарывался на отказ:

– Мистер Палмер, вы потомок благородного рода. И вы обязаны уметь говорить публично. Боритесь со своими страхами.

Питер честно боролся. Учил уроки до поздней ночи, рассказывал домашнее задание матери. Но в школе у доски всякий раз цепенел от страха и, сдерживая слезы, мужественно принимал насмешки одноклассников.

И сегодня, когда прозвучало ненавистное «к доске», мальчик вдруг понял, что утром не повторил то, что весь вечер заучивал наизусть. Он встал, понурился, секунду постоял, привыкая к противной ватной слабости в коленках, и побрел к доске. Промокашка с его рисунком легко спланировала на пол, и Питер поднял ее. Класс за его спиной шушукался, девочки тихонько хихикали, предвкушая веселье. Питер остановился у доски, взглянул на стиснутую в пальцах промокашку. В начале урока он карандашом нарисовал в уголке девочку-цветок, похожую на ту, что видел утром. И сейчас ему вдруг сделалось так спокойно, словно он не один стоял перед классом, а кто-то незримый держал его за руку.

Питер улыбнулся рисунку, вдохнул глубоко и начал:

– Тебя порочат без твоей вины
И от наветов никуда не скрыться,
Ведь вороны поклепа рождены,
Чтоб в ясном небе красоты кружиться.
К бутонам нежным страсть червей сильна,
Соблазн тем больше, чем прекрасней чудо:
Ты без изъянов, как сама Весна —
Наветчиков любимейшее блюдо...¹

Слова лились сами. Одноклассники, что так надеялись услышать привычное «Э-э-э-э...» как сигнал к началу всеобщей истерики, удивленно пожимали плечами, шептались между

---

¹ Уильям Шекспир, сонет 70. (Примеч. автора.)

собой. Только учитель слушал Питера внимательно-внимательно, иногда кивая и тая в глазах улыбку.

– Замечательное исполнение, мистер Палмер, – сказал он, когда мальчишка закончил декламировать. – Я почти поверил в то, что вы прочувствовали все, о чем рассказывали. Садитесь на место. Заслуженный высший балл. Даже несмотря на то, что я задавал выучить не сонет, а монолог Гамлета.

– Это который про «быть или не быть»? – смущенно пролепетал Питер, и класс все-таки расхохотался.

После уроков за Питером увязались девчонки. Неразлучные подружки Гвенда и Нэнси следовали за ним, покачивая налаченными завитками на макушках, и тараторили, не переставая:

– Влюбился, влюбился, наш толстяк влюбился!

«Все девчонки – дуры», – сидя на скамейке в школьном саду, твердил про себя Питер. Это помогало сохранять спокойствие, но непрерывный девчоночий нудеж раздражал все сильнее. Что сделал бы Ларри, если бы ему так досаждали? Отмочил бы что-нибудь остроумное и до соплей обидное – и девчонки бы тут же отстали. Но Питер не умел острить и подкалывать других так, как это делал брат. Потому приходилось терпеть. И есть яблоко, чтобы молчать.

– Палмер, подружку ждешь?

Напротив Питера остановилась стайка одноклассников на велосипедах. «Опять Уимзи и свита», – вздохнул Питер и демонстративно отвернулся. Если не отвечать – быстрее отцепятся.

– Пит, а Пит, – нараспев протянул Дюк Уимзи – самый сильный и крутой парень в их классе. – А твоя подружка такая же жирная, как ты?

Пятеро мальчишек в велосипедном арьергарде приснули со смеху. Питер откусил от яблока побольше, одной рукой прижал к себе сумку с учебниками. Чтобы не слушать одноклассников, он начал про себя считать до ста и думать о том, что до конца учебного года осталось всего две недели. И все, можно будет не делать уроки, спать сколько влезет и носиться по полям с друзьями. А если повезет, можно уговорить Ларри свозить его и Йонаса к Белым скалам на побережье. И запустить там воздушного змея. Высоко-высоко...

На скамейку рядом шлепнулся Кевин – тощий кудрявый очкарик из параллельного класса, у которого в жизни было две страсти: книги и пудинги. А еще Кевин обожал читать про всякого рода опыты, в которых все шло не так. Он коллекционировал вырезки из журналов про неудачные эксперименты. Только про убитых электричеством тесломанов у него была целая подборка.

– О, а вот и подружка! – радостно воскликнул Дюк.

Кевин молча вытянул из портфеля рогатку, забрал у Питера огрызок, вложил огрызок в оттянутую широкую резинку и тщательно прицелился в Уимзи.

– Ой, как смело! – захихикал верзила Дюк. – А рикошета по лбу не боишься?

Рот Питера непроизвольно растянулся в улыбке. Напряжение, не отпускающее его с конца уроков, исчезло. На другой стороне улицы напротив школьного двора остановился автомобиль отца – роскошный «Силвер Клауд», предмет лютой зависти всего города.

– Что лыбишься, жирный? – не унимался Дюк. – Попадешься мне завтра – в толчок башкой засуну!

– Не поднимешь, – спокойно отозвался Питер. И добавил: – Я за мир. Пошли, Кевин.

Огрызок улетел в урну возле скамейки, рогатка переместилась в потрепанную сумку. Друзья обошли компашку задир, которые быстро притихли, увидев «роллс-ройс» мистера Палмера, и направились через дорогу.

– Знаешь, они тебя когда-нибудь отлупят! – оглядываясь на Дюка, проговорил Кевин. – Учись защищаться, что ли.

– Не отлупят. Отец Уимзи работает на заводе моего отца. И только поэтому Дюк ходит в нашу школу, – неторопливо произнес Питер. – А он маленький не глупый. Выпендривается перед своими, но пока никого пальцем не тронул.

Кевин почесал кудрявую макушку, пожал острыми плечами.

– Мне бы не хотелось стать первым, кого он приложит.

– Не приложит, – останавливаясь возле сияющего серебром авто пообещал Питер. – Залезай, я попрошу подвезти тебя до дома.

Мальчишка воссиял как новая монетка и быстро юркнул за приоткрытую водителем дверцу.

– Тревор, мистера Блюма надо срочно доставить домой, – важно распорядился Питер, усаживаясь рядом с приятелем. – Мы же поможем ему, верно?

Он повозился, устраиваясь на скрипучем кожаном сиденье, повертел головой. Машина мягко тронулась и покатила по притененной старыми раскидистыми кленами улице.

– А папа где? – спросил мальчишка водителя.

– Мистер Палмер дома. Просил напомнить вам, что после уроков вас ожидает визит к дантисту.

– Уй, – скривился Питер. – А может, мы туда не поедем? Может, у нас машина сломалась, а, Тревор?

Водитель бросил на него насмешливый взгляд в зеркале заднего вида, покачал головой и ответил:

– Питер, вам ли не знать, что машины, спроектированные вашим отцом, не ломаются. Так что соберите мужество в кулак и...

– Сперва завезем Кевина! – поспешно выпалил Питер.

Мальчишка покосился на него, сморщил нос.

– Только не говори, что боишься лечить зубы, – с вызовом произнес Кевин.

– Не боюсь. Но это больно.

– Да ну! Абсолютно не больно. Ну, знаешь, если только в нерв не попадут, когда будут сверлить.

Питер похолодел.

– А что – могут? – спросил он с потаенным ужасом.

– Да-а! Моему брату попали. Он орал страшно, пока не убрали сверло, – тараща глаза и делая пассы руками, рассказывал Кевин. – А потом орал, когда зуб драли клещами. Вот такенными!

– Кев, – стараясь не выдавать панику в голосе, сказал Питер, – я тебя очень прошу: давай лучше про опыты.

Приятель с энтузиазмом потрянул шапкой темных кудрей.

– Окей, мистер Палмер! А ты знаешь, чему равна вероятность, что тебя от сверла может потряхнуть током и убить насмерть?

У Питера мигом пересохло во рту. Он так живо представил себе, как его колотит током в кресле дантиста, что даже почувствовал металлический привкус.

– Эй, да будет тебе! – миролюбиво хлопнул его по колену Кевин. – Мои рассказы – это самое страшное, что может быть в лечении зубов. Пит, я просто пошутил. Ты седьмую книгу про Тарзана читал? Знаешь, она жутко скучная. Посоветуй чего-нибудь, а?

И они переключились на обсуждение книг – прочитанных и тех, что хотели бы почитать, понравившихся и таких скучных, что их невозможно дочитать до конца. Кевин взахлеб рассказывал о том, что уволок у мамы книгу для взрослых, а там сплошная любовь – тьфу, тоска.

– А еще герои постоянно обжимаются и занимаются сексом, – страшным голосом поведал он Питеру. – Такая хрень, ты даже не представляешь! Ну чего может быть интересного в голых женщинах?

– Абсолютно ничего, мистер Блюм, – встрял в разговор мальчишек водитель. – Мы приехали.

Кевин радостно улыбнулся, помахал пятерней перед лицом Питера и, выпалив: «Не давайся им живым!», открыл дверцу авто и исчез среди розовых кустов перед своим домом. А величественный «Силвер Клауд» повез приунывшего Питера в лапы беспощадных дантистов.

Впрочем, как выяснилось через полчаса, беспощадными все же были не дантисты, а богатая фантазия Кевина Блюма. Доктор, который осматривал зубы Питера, оказался милейшей женщиной средних лет с легкими, порхающими движениями усыпанных веснушками рук. Она общалась с мальчиком мягко и вежливо, но как со взрослым, и уже через пять минут с начала осмотра Питер успокоился.

– Мистер Палмер, один изъян все же есть, – сообщила доктор. – Если вы дадите мне десять минут, я все исправлю. И еще: боли не будет.

– Обещаете? – очень серьезно спросил Питер.

– Гарантирую, – заверила его дантист. – Если вдруг случится небывалое, и вам станет больно – с меня пять фунтов. Только, чур, честно!

– Хорошо, мэм, – ответил Питер и решил, что будет терпеть изо всех сил, чтобы не разорить эту приятную женщину.

За работой доктор негромко напевала. Голос у нее был приятный, слух отличный, Питер заслушался и расслабился. «Интересно, а какой голос у той девчонки?» – думал он, рассматривая висящую на стене кабинета картинку, изображающую экзотические цветы и морской берег вдали. Почему-то Питеру казалось, что девочка в белом очень приятно смеется. И знает наизусть все песни Элвиса и «Битлз». И зубы лечить не боится.

«Ничего она не русалка, – покачиваясь в сладкой дреме на заднем сиденье машины, размышлял Питер по дороге домой. – У русалок хвосты, я видел на фото в журналах. И они большие. А эта маленькая. И в платье. Надо за высший балл по литературе у мамы денег выпросить. Куплю конфет побольше и смотаюсь вместе с Йоном к деревенским. Попрошу, чтобы узнали, кто она такая и где живет. За конфеты они чего хочешь найдут, не то что девчонку...»

Глава 3

Ночью над Дувром разразилась гроза. Грохотало и вспыхивало так, что спать могли только покойники. Питер сидел на кровати, напялив на голову подушку треуголкой, и с фонариком дочитывал одолженную в школе книгу. Супершпионы, как и полагается советским шпионам, были обречены на поражение, но отпор супердетективам давали достойный. В сюжете гремели взрывы, хлопали выстрелы, по улицам неслись, догоняя друг друга, шпионские автомобили, а главный негодяй держал на бомбе с часовым механизмом красивую девушку, в которую тайно был влюблен главный герой. И в тот момент, когда решалось, пожертвует ли герой собой ради девушки или спасется сам, в фонарике села батарейка. Питер раздосадовано сунул фонарь под подушку, отнес книгу на стол и задержался у окна. Раздвинул тяжелые шторы, поднырнул под тонкий тюль и залюбовался садом, омываемым июньским ливнем.

Деревья, что при свете дня казались абсолютно недвижимыми, сейчас стонали и гнулись тяжелыми ветвями к земле, уступая натиску штормового ветра. Казалось, что они ожили, и вот-вот выдернут из земли корни-щупальца и побегут на них, как инопланетяне из комиксов. Питер поежился, представив себе, как старая яблоня заползает по лестнице на второй этаж, а оттуда, шурша листвой, протискивается по коридору в оранжерею. Тяжелые узловатые корни выбивают дверь и ловят несчастные растения, живущие круглый год в доме. Сдавленный писк, сломанные стебли, разбитые горшки...

– Сплошная кровожадность, – поморщился Питер. – Хорошо, что тут так не бывает.

Мальчишки в школе рассказывали, что «так» бывает на материке. Там, где наслоились друг на друга наш мир и другой, враждебный. Говорят, наслоение возникло из-за испытания нового оружия. Наверняка русского. Хотя и у немцев тоже были свои исследования в работе с пространством и временем, виноватыми было принято считать хитрых русских. Да и поди скажи при Йонасе, что это ученые «Анэнербе» сделали. Одним тумачком не отделаешься, Йон обидчивый.

Питер забрался на подоконник, прижал ладони к вздрагивающей под порывами ветра раме. Ему нравилось наблюдать за стихией, оставаясь в безопасности. Раньше он часто воображал себя уцелевшим при кораблекрушении или нашествии оттудышей: сидишь в убежище, смотришь на то, как там, снаружи, что-то страшное безжалостно перекраивает твой мир. Гремят орудийные залпы, земля содрогается, чьи-то силуэты корчатся в сполохах белого пламени, где-то далеко гудит нечто громадное, механическое, наверняка смертоносное. Питер видел в новостях кадры с материка. На них было мало что понятно, люди стреляли то в заросли кустов и деревья, то по камням, меж которыми мелькали странные существа. Рассмотреть их было очень сложно, камера в руках оператора постоянно дергалась. Питер помнил одну вещь, которая показалась ему очень странной: оттудыши не стреляли. Никогда.

Отец говорил, что существа из другого мира не имеют огнестрельного оружия. Они действуют по законам своего мира: магия, сверхскорость, сверхсила, невидимость, гипноз – все это не менее опасно, чем пули и напалм. Оттудыши были непредсказуемы, и остановить их вторжение никак не удавалось. Войска людей оттесняли их вглубь «пятна междумирья» – по разным данным оно составляло от трех до десяти миль в поперечнике, но точно установить его размеры никто не мог. «Пятно междумирья» было окружено зоной отчуждения, где постоянно находились войска. Люди раз за разом отражали атаки неведомых тварей, иногда сами наступали, гнали противника в самое сердце «пятна», но вот уже почти двадцать лет никто не мог найти способ закрыть дыру между мирами. Мама очень боялась, что оттудыши прорвутся, захватят всю Европу и явятся в Британию. «От нас до Дюнкерка – рукой подать, – сетовала Оливия Палмер. – И переправу почти не охраняют. Вы же видели гарпий и сиринов? Им перелететь Па-де-Кале ничего не стоит!»

«Успокойся, женщина, – смеялся мистер Палмер. – Тебе ли бояться домашних животных? Ты не трясешься от ужаса перед ядовитыми растениями? Особенно когда можно удалить то, что продуцирует яд. Механически ли, химически... Оттудыши ничем не отличаются от зверья в зоопарке Лондона. Вырви когти и клыки гарпии, подрежь голосовые связки сирина – и это милейшие безобидные тварюжки. Вспомни, как тебе понравилось на выставке в Бирмингеме».

Питер помнил эту выставку. После нее он долго канючил, упрашивая отца купить кентавра. Или сирина – только обязательно с красными перьями на крыльях, как у того, что занял первое место. Или хотя бы парочку мелких синепузых пикси. Вот у мистера Роли, с которым папа по выходным играет в гольф, есть целая стая баргестов. У мистера Джилроя бассейн с никсами. А у миссис Элмерз в гостиной стоит большая клетка с пятью феями, ну почему бедному Питеру нельзя кентавра-а-а?.. Но отец был согласен только на фамильяра. Он считал, что фамильяр необходим как талисман каждому преуспевающему бизнесмену.

За окном сверкнуло так ярко, что Питер вздрогнул и на секунду зажмурился. Даже с закрытыми глазами он какое-то время видел сияющую белизну ночной грозы с черными, словно нарисованными углем, силуэтами деревьев, крыш, тоненьких пик железной ограды. Снаружи загрохотал гром, на первом этаже залились истеричным лаем мамыны бишон-фризе. Дождь хлестнул по стеклу с такой яростью, что Питер отпрянул. В комнате ощутимо похолодало. Захотелось вернуться в кровать, закутаться с головой в клетчатый теплый плед и погрузиться в фантазии. Поиграть в своем мире в смелого детектива, забить решающий гол в ворота ненавистных Питеру бразильцев... Но сперва надо было зайти в туалет.

Питер нашарил ногами тапочки у кровати и бодро зашаркал в уборную через весь коридор. Собаки в доме орала не переставая, и на обратном пути мальчик решил спуститься к ним, успокоить. «Все равно я не сплю, – думал он, спускаясь по поскрипывающим ступеням дубовой лестницы. – Трусиха Агата в грозу носа из кровати не высунет, Ларри и папа из принципа не пойдут утешать собак. А у мамы наутро обязательно разыграется мигрень и будет плохое настроение. Лучше я приду и всех спасу».

– Лотта, Лотта! – донеслось с первого этажа. – Сноу, Фроззи! Идите сюда скорее!

Судя по голосу, Питера опередила горничная Лорна. Так и есть: невысокая девушка в ночной сорочке до колен и остатками не расчесанной с вечера «бабетты» бегала босая по холлу и ловила истерично вопящих бишонов. Собаки металась по коридору и были похожи на ожившие фигурки из снежных шаров.

– Фроззи, милый, иди сюда, – сердитым шепотом подзывала она. – Сноу, малыш, все хорошо, это просто гроза. Лотта! Лотта, ты где?

– Мисс Лорна, доброй ночи, – вежливо окликнул ее Питер. – Они вас тоже разбудили, да?

Девушка ойкнула и присела, натянув подол сорочки на колени. Обрадованные Сноу и Фроззи принялись прыгать вокруг нее с оглушительным звонким лаем.

– Простите, я вас не хотел пугать, – покаянно развел руками Питер и на всякий случай подтянул повыше пижамные штаны.

– Ничего-ничего, – поспешно отозвалась горничная, подхватывая собак на руки. – Я сейчас унесу этих двоих в клетки, дам им по кусочку фарша, и они успокоятся. Но где же третья?

– Я ее поймаю, – с готовностью произнес Питер. – Она лает в нижней гостиной. Наверное, заблудилась с испугу и теперь перепугалась еще больше. Вы идите, я сам принесу Лотту.

Он потрепал по голове притихшего Фроззи и побежал по ковровой дорожке в конец коридора, где располагался спуск в нижнюю гостиную. Раньше там был просто подвал. До того, как папа обустроил в саду пруд. А потом подвал разделили новой стеной пополам, и на одной стороне остались жить винные бутылки, копчености и законсервированные на зиму овощи, а по другую сторону поставили стол и мягкую мебель. Рабочие провели освещение, укрепили ступени лестницы, заменили перила – и эта часть подвала вмиг стала очень гостеприимной.

Питер шагнул за приоткрытую дверь, нашарил на стене выключатель, и нижнюю гостиную залило мягким неярким светом тонких неоновых ламп, обрамляющих окно. Пушистая белая Лотта – любимица мамы – вмиг перестала подвывать, уселась на нижнюю ступеньку и замахала хвостом.

– Чего ты тут забыла? – сердито спросил собачку Питер, присаживаясь рядом. – От грозы спряталась? Иди сюда.

Лотта с готовностью забралась к нему на колени, облизала мальчишке нос и губы и залилась тоненьким лаем, повернувшись в сторону окна-иллюминатора.

– Перестань, глупая! – буркнул Питер и погладил ее по голове. – Нет там ничего страшного.

Темнота за окном приковывала к себе взгляд, манила, заставляла всматриваться. Питер так и застыл с собакой в руках, пялясь широко раскрытыми глазами по ту сторону толстого стекла.

«Русалка? Там может быть русалка? – Сердце глухо ухнуло и ускорило, разгоняя по сосудам тревожность. – Она и вправду там? Это ее я видел вчера утром? И мне показалось, что это девчонка. И она была даже красивой. Мне могло это показаться? Далеко же было...»

Прижимая к себе Лотту, Питер подошел к окну. Сперва он видел лишь отражение в стекле: невысокий полноватый паренек с взъерошенными на макушке коротко стриженными темными волосами. Если приглядеться, становилось видно веснушки на пухлых щеках. Лотта в отражении виделась фигуркой из белых шаров с черными кнопками носа и глаз. А потом взгляд Питера проник в темную глубину за стеклом.

Это не было тьмой беззвездного неба – высокой, чистой, бесконечной. Это не было темнотой за веками, когда закрываешь глаза под одеялом: та тьма мгновенно наполнялась картинками, образами, яркими вспышками памяти. То, что находилось по ту сторону огромного иллюминатора, имело форму, вес, его можно было потрогать руками, ощутить сопротивление, а затем манящее притяжение. Эта тьма – опасная, тяжелая, безвоздушная и холодная – была живой. Когда где-то далеко наверху небеса прорезала очередная молния, темнота за стеклом шевелилась и вздыхала отзвуками грома. И чем дольше Питер вглядывался в нее, тем больше ему казалось, что сейчас... вот прямо сейчас что-то проявится, метнется к застывшему в ожидании мальчишке.

Лотта молчала, вылизывая ему руку. Тишину нарушало лишь биение сердца Питера и приглушенные раскаты грома. И неуловимое, едва ощутимое и почти неслышное движение темной воды. Будто змея – толстенная, как дуб, громадная – свернулась за стеклом в кольца и лениво свивала и расправляла их.

– Там никого нет, – сказал громко Питер, и странная, пугающая иллюзия, порожденная ночной грозой и толщей воды, исчезла. – Пойдем-ка спать, Лотта.

Собака протяжно зевнула, словно согласилась с мальчиком. Питер перехватил ее поудобнее и, шаркая тапочками, пошел по ступенькам вверх. Не оборачиваясь, он выключил свет и вышел за дверь. Прислушался к отдаляющимся раскатам, улыбнулся поскуливающей маминой любимице:

– Ну раз ты такая трусиха, разрешаю тебе спать у меня. Но только сегодня! И не вздумай писать мне в кровать!

Под утро Питеру приснилось, будто он снова стоит перед иллюминатором в подвале. Свет выключен, но мальчишке удивительно светло: там, за толстым стеклом, медленно разворачивает длинные лепестки удивительно красивый белоснежный цветок. Он медленно поворачивается в толще воды и сияет. Сияет ярче полной луны и всех звезд в небе...

Глава 4

Сочинение он написал на «отлично». Итоговый балл по математике оказался слабее, чем в предыдущем полугодии. Зато оценка по ботанике была лучшей в классе. Это было и здорово, и обидно одновременно. Ботаном Питера дразнили давно, но после подведения итогов компашка Дюка возвела его в ранг короля ботанов. На перемене Питера отловили в школьном туалете и с гиканьем водрузили на голову обрезанную жестяную банку с наспех прилаженными сорванными ветками и прутьями от метлы. В таком виде и вытолкали в коридор.

– Король ботанов! – орали, гримасничая, мальчишки. – Питер Жирный – король ботанов! Всем пасть ниц перед Ихним Величеством!

Питер вырвался из держащих его рук, сорвал корону и швырнул ее в хохочущую толпу. Попал аккурат в лоб Дюку. Жестянка прочертила на светлой коже тонкую красную полосу. Парень взревел и бросился на Питера. Питер улепетывал со всех ног, неся по коридору, с трудом огибая попадающихся по пути учеников. Он представлял себе, как Дюк догоняет его, толкает в спину, и Палмер-младший кувыркается по полу под хохот всей средней школы Дувра. Эта постыдная картина подхлестывала его, придавая силы, и он мчался так быстро, как никогда прежде на уроках физкультуры. Впереди показалась стеклянная дверь на улицу, и Питер припустил изо всех сил. И тут понял, что путь к спасению отрезан: из правого коридора учительница вывела стайку малышни, и те с веселым гомоном потекли к выходу. Питер остановился так резко, что задохнулся. «Мне конец», – мелькнуло в голове. Мальчишка зажмурился, ожидая, что вот-вот ему в плечи вопьются пальцы Дюка, но тут за его спиной раздался страшный грохот, взрыв ругани и девчоночий визг и хохот. Питер несмело обернулся.

Дюк Уимзи валялся носом вниз в луже посреди коридора рядом с опрокинутым жестяным ведром темнокожего уборщика Джоуи. Позади него стояла тоненькая белокурая старшеклассница в коротком форменном платье и с темно-вишневым бантом в начесанных волосах. Девочка равнодушно посмотрела на Дюка, презрительно дернула подбородком.

– Беата, он тебе ногу не отдал? – спросила у нее подоспевшая коротко стриженная темноволосая подружка в юбке подлиннее.

– Пусть смотрит, куда несется, – фыркнула спасительница Питера и добавила, когда Дюк оглянулся на нее: – Неудачник.

«Беата, – повторил про себя Питер, сбегая по ступенькам школьного крыльца. – Ее зовут Беата».

Он решил, что во что бы то ни стало надо отблагодарить прекрасную старшеклассницу. Узнать ее адрес и совершить поступок мужской, взрослый и благородный: прислать букет цветов и много-много сладостей. Питер как раз размышлял над тем, сколько в конфетном соотношении будет это самое «много», когда его окликнула сестра:

– Эй, мистер Пирожок! В чем это у тебя волосы?

Агата с парой подружек встала со скамейки в тени сиреневых кустов, подошла к брату. Девушка по-взрослому поджала губы, окинула Питера строгим взглядом.

– Ну что ж ты за чудище! – вздохнула она. – Как будто не из школы, а из помойки вылез!

Она одернула на нем жилет, поправила воротник. Рубаху Питер сам зачихал в брюки, сердито оттолкнув руку сестры.

– Не будь мамочкой, – буркнул он. – Я тебе не птенчик, хоть ты и курица.

– Нахал! – ахнула подружка Агаты с брекетами на крупных, как у лошади, зубах. – Какое воспитание в благородном семействе!

Питер хотел показать ей средний палец, но решил, что лошадей достойнее игнорировать. Он отвернулся и провел руками по голове. Да, действительно: волосы были в какой-то гадости. И это явно не был бриолин. А вот на гуталин было очень похоже. И воняло мерзко.

– И что это? – спросила Агата тоном, предрекающим взбучку.

– Это опыты по химии, – бодро соврал Питер.

– Какая химия? У вас же ее еще нет!

Питер напустил на себя важный вид, скрестил на груди руки – как обычно делал отец, когда раздавал указания нанятым рабочим.

– Мне и Кеву Блюму как лучшим ученикам средних классов позволили посетить химическую лабораторию. И там немного бахнуло, – торжественно провозгласил он. – Не веришь – спроси у Кевина, он подтвердит.

То, что Кевин подтвердит любую чушь по его просьбе, Питер даже не сомневался. Еще в начальной школе приятели заключили договор, по которому друг всегда помогал другу. Даже враньем, если оно было безобидным.

– Мама будет в восторге, – пронудела Агата и вернулась на скамейку к обсуждению модного журнала.

Питер уселся на низкую ограду из дикого камня и достал из сумки блокнот и карандаш. Вряд ли в присутствии сестры кому-то могло прийти в голову обижать младшего брата, потому мальчишка чувствовал себя в безопасности. В ожидании известного всему маленькому Дувру роскошного серебристого автомобиля семьи Палмеров, Питер любил порисовать. Получалось у него неплохо, иногда даже одноклассники просили изобразить героя любимых фильмов или мультиков. В хорошем настроении Питер рисовал им целые комиксы – когда смешные, когда страшные. Нарисованную вчера на промокашке девочку-цветок мальчишка спрятал в ящик стола в своей комнате. Он был уверен, что картинка поможет ему ответить у доски, и решил считать ее своим талисманом. А сейчас, в ожидании отъезда домой, он быстренько набросал в блокноте длинноногого-длиннорукого Уимзи, похожего на паука-косиножку. И пририсовал ему нос картошкой. Полюбовался рисунком, усмехнулся и спрятал блокнот обратно в сумку.

Агата всю дорогу до дома нудела, что Питер смердит как профессиональный чистильщик обуви. Когда брат ловко поддел ее вопросом, видела ли она чистильщика обуви хоть раз вживую, а не в черно-белом кино, сестра надулась и бубнить стала потише.

«Стоит ли раздувать такую драму из-за того, что какие-то придурки испачкали меня гуталином? – размышлял Питер, глядя в окно на проплывающие мимо равнины с пасущимися стадами коров и овец. – Голову помыть – несколько минут, а Агата может гундеть часами. Неужели ей больше нечем заняться, не о чем поговорить? С подружками она вряд ли мою голову обсуждает. А со мной – одни нравоучения. Раньше она не была такой противной. Если так люди взрослеют, то ну и дрянь же это ваше взросление. Но Ларри-то не такой зануда. Хоть и будущий адвокат. Может, зря говорят, что на адвокатов учатся только зануды?»

Шины серебристого «роллс-ройса» мягко зашелестели по грунтовой дороге: автомобиль свернул с трассы к усадьбе Палмеров. Исчезли бескрайние луга, скрытые за зелеными насаждениями и деревенскими домами, с гвалтом помчались за машиной грязные и покрытые колтунами местные собаки. Питер улегся на заднем сиденье во весь рост и сквозь прикрытые веки расслабленно принялся наблюдать, как сменяют друг друга светлые и темные пятна на потолке авто. Когда светлые блики пропали совсем (солнце закрыла аллея из вековых дубов и кленов), Питер медленно досчитал до двенадцати. И как раз на счет «двенадцать» машину слегка качнуло: они прибыли домой.

Питер вышел из авто, помахал рукой Тревору и помчался к дому по дорожке, мощенной белым камнем. Надо было помыть голову, пока Агата не наябедничала маме.

– Здорово, Пит Щас Мимо Пролетит! – окликнул его со стороны цветника звонкий голос.

Так рифмовать его имя мог только один человек в мире – самый близкий друг Питера, Йонас Гертнер. Конечно, Питер тут же остановился и замахал рукой:

– Привет! Ты чего там делаешь?

Из зарослей, образованных мамиными розами и клематисами, выбралась худощавая фигура в синем рабочем комбинезоне на голое тело и дурацкой красной бейсболке, венчающей нечесаную копну светлых волос. Йонас прищурил зеленые, как у кошки, глаза, снял с правой руки перепачканную в земле перчатку и протянул ладонь Питеру.

– Держи привет, – слегка растягивая гласные, произнес он. – Ночью в саду кой-чего попортило, шпалеры завалились. Вот чиню.

– А меня гуталином намазали, – усмехнулся Питер. – Бегу отмываться, пока не разразилась буря посильнее ночной.

– Ах-ха, миссис Палмер может! – расхохотался Йонас. – Давай я воды из пруда черпану, и мы тебя в два счета в ведре отмоем? Только сперва я прилажу эту хреновину на место.

Он подмигнул Питеру и снова нырнул в розовые заросли. Мальчишка в очередной раз удивился способности друга лазить в самые дебри колючих кустов и выбираться обратно без единой царапины. Как-то Йонас сказал ему, что он настолько страшный чувак, что шипы на стеблях в ужасе втягиваются при виде него. Питер почти поверил.

– Я переоденусь, и... – Питер запнулся: идея утащить воды из пруда и приурочить к этому рассказ про девчонку показалась ему отличной. – И это, вернусь. Ты меня тут дождись, не уходи.

– Ах-ха, – донеслось из колючих джунглей.

Через пять минут Питер в шортах до колен, старенькой серой рубаше и кедах с вытертыми до потери цвета носами уже помогал Йонасу прилаживать на место последнюю шпалеру.

– Пит, держи ровнее, – прикручивая раму толстой проволокой к столбу, распорядился Йонас. – Потерпите, ребята. Сейчас мы тут доколдуем – и вам снова будет хорошо. Эй, Фламентанц, ветки вверх! Вилли, чего разлегся? Сейчас я тебя подсажу, погоди минутку.

Манера тринадцатилетнего Йонаса разговаривать с цветами как с приятелями Питера уже давно не удивляла. Он как-то сразу привык к странностям юного беженца с материка. Йон появился на пороге дома Палмеров три года назад: худой, чумазый, остроносый и веснушчатый, в одежде с чужого плеча и с тощим рюкзаком.

– Здравствуйте, – очень спокойно и вежливо проговорил он. – Меня зовут Йонас Гертнер, и я ищу работу. Умею ухаживать за растениями и плотничать. Я сирота, прибыл с той стороны пролива. Документы в порядке, я зарегистрировался. Живу в этой деревне с теткой. Вот...

Миссис Палмер сказала «да», только услышав о растениях. Мистер Палмер долго изучал протянутые мальчишкой бумаги – одну потрепанную, облепленную разноцветными печатями и штампами, вторую новую, только на днях выданную. Агата и Питер исподтишка рассматривали гостя, Ларри на правах почти взрослого смотрел на мальчишку прямо и что-то спрашивал про...

– Пит, молоток подай, – прервал поток воспоминаний Йонас. – И пару гвоздей. Вон тех, ах-ха. И чего молчишь? Кто тебя гуталином угостил?

– Да пара придурков, – вяло отмахнулся Питер, протягивая Йонасу молоток с гвоздями. – Обычные школьные разборки.

– А я бы им сумки поджег за такое, – приколачивая раму шпалеры на место, произнес Йонас. – Или на разлитую краску усадил.

Питер вздохнул и промолчал. «Я бы» он не любил. Звучало как мораль. Хорошо, что Йонас никогда не говорил, что надо быть сильнее, круче, давать в нос за любую провинность и все такое. Но его «я бы», хоть было и мягче, тоже царапало. Хорошо говорить, когда ты легкий, шустрый, проворный и бегаешь быстрее всех в округе.

– Ну вот и все. Пошли твою башку отмывать?

Йонас соскочил с приставленной к шпалере лестницы, прищурился от солнца. Приставил ладонь ко лбу козырьком, оглянулся в сторону дома.

– Мистер Палмер дома?

– Вроде нет, – неуверенно протянул Питер. – Разве что где-то в кабинете. Я его не видел, пока бегал туда-сюда.

– Ах-ха. Тогда берем ведро – и за дом! Кто вперед до сарая?

И они вдвоем припустили по дорожкам между островами цветов. Бежали нечестно: Йонас поддавался, уступал Питеру. Питер старался изо всех сил, неся, едва успевая под ноги смотреть. Марафон до сарая он, конечно, выиграл.

– Ты победитель – тебе и ведро тащить! – расхохотался Йонас.

Питер нагнулся, вытянул из-под полки ведро. «А если отец дома? Увидит, что я у пруда – голову открутит, – подумал он. – Как-то надо Йона упросить. Ему точно ничего не будет».

– Слушай. Стащи ты воды, а?

– Дрейфишь? – насмешливо протянул приятель.

Перевернув ведро, Питер уселся на него, как на табурет. Поглядел на перепачканного землей Йонаса, сделал очень серьезное лицо. Как делает отец, когда они с Ларри обсуждают какие-нибудь бумажные дела.

– Я тебе сейчас такое расскажу, что ты тоже сдрейфишь, – многообещающе начал Питер. – Но сперва скажи, что ты знаешь о русалках?

Йонас стащил с головы бейсболку, крутанул ее на пальце. Перехватил за алый козырек, хлопнул о колено. Прошелся по сараю, потрогал педаль висящего на стене старого велосипеда Ларри.

– Мало знаю, – после долгой паузы сказал он. – Они в воде живут. То, что у них хвосты, – не факт. Морские с хвостами, да. А те, что речные, – у них ноги есть. Но от воды далеко они не отходят. Они как медузы. Вода их питает, на суше они беспомощны и больше часа не могут.

– Они что – воздухом дышат? – удивился Питер.

– Они и так, и так могут. Питаются всем, что в воде живет. Хищные. Красивые. Правда красивые. Как манекенщицы в журналах твоей сестры. Только без начесов и штукатурки.

– Это я знаю. Я видел хвостатых на выставке. Мне не понравились. Они слишком похожи на людей. Только ниже пояса рыбы. И с сиськами голыми, фу.

– Это морские были, – со знанием дела произнес Йонас. – Они крупнее, сильнее, агрессивнее.

– А речные чем отличаются?

Йонас долго молчал, глядя в запыленное окно. Иногда он так «зависал», словно выпадал из реальности, и тормошить его было бесполезно. Черты лица заострились, взгляд потухал, прятался под щеточкой светлых ресниц. Питер думал, что в эти моменты друг вспоминал родные края, которые ему пришлось покинуть. Йонас был родом как раз из тех мест, где появилось «пятно междумирья». Он никогда не рассказывал, что случилось с его родными. Но Питер чувствовал, что ничего хорошего. И истории про оттудышей – порой с потрясающими подробностями, о которых не писала пресса, – тоже были неспроста.

– Речных нельзя трогать, – глухо проговорил Йонас. – Это души рек. Больших и маленьких. Если убить речную русалку – река потечет мертвой водой. И убийца будет проклят.

– Зачем их убивать?

Йонас смотрел на приятеля как на маленького.

– У вас что, этого не знают? Плоть речных русалок дарит бессмертие.

Питеру стало не по себе. Он почувствовал себя глупее Агаты. Йонас говорил так, будто объяснял то, что известно с пеленок всем-превсем, а не рассказывал жутковатые сказки. Питеру очень хотелось сказать ему: «Да врешь ты все! Так не бывает», – но что-то мешало это сделать. Может быть, то, что Йонас был его лучшим другом? А может, то, что ему просто хотелось верить в страшные истории?

– Йон, послушай. – Питер облизнул пересохшие губы. – Я очень хотел бы ошибаться, я и сам до конца не уверен, но... Ларри сказал, что мой отец привез русалку. Я видел странную девочку в пруду.

– Белую. Похожую на цветок с тонкими длинными лепестками, – не спросил, а уточнил Йонас.

– Ага.

Оба долго молчали, потом Йонас стер пыль с оконца своей кепкой и невесело усмехнулся:

– Пит, помой башку в ванной. А я пойду куст самшитовый достригу и опилю сломанные ветви яблонь. Ах-ха?

– Ладно. Давай часов в шесть на великах в долину прокатимся? Или в лавку за твоими любимыми леденцами, – предложил Питер, чувствуя, как внутри расплзается неприятный тревожный холодок.

Услышав о леденцах, Йонас перестал хмуриться, улыбнулся белозубо и радостно:

– Кто ж от такого откажется? Забились! В шесть у ворот.

Глава 5

Было так вкусно и много, что, казалось, даже небо пахнет леденцами. – Еще один – и я лопну, – простонал Йонас и улегся в невысокую жесткую траву.

– Да ну. Если их дома есть – столько не влезет, а вот когда на лугу или у ручья – они совсем другие. И можно съесть их целую гору.

– Хлеб с солью так же. В дороге он всегда вкуснее.

Питер пошуршал у друга над ухом прозрачным фантиком от конфеты. Йонас сморщился и зажмурился.

– Убери... Моя смерть будет на твоей совести!

– Что-то ты сегодня не в форме, – разглаживая на коленке фантики, заявил Питер. – Всего шесть одолел. А я восемь! И еще могу!

Он засунул руку в кулек с длинными полосатыми палочками леденцов и вытащил пару.

– Я тебя когда-нибудь побью в честном бою. В другом, – умирающим голосом проныл Йонас. – Но в пожирании сладостей тебе реально нет равных!

– А если еще газировкой запить...

– ...она из носа потечет, – закончил за Питера друг, и оба расхохотались.

Ветерок гнал по полю зеленые волны, с невысоких холмов стекали в долину тени высоких облаков, похожих на сладкую вату. Питер улегся, положив сцепленные пальцами руки под затылок, и задумался.

– О чем молчишь? – спросил Йонас минуты через три.

– Как думаешь, кто следующий чемпионат мира по футболу выиграет? – зевнув, откликнулся Питер.

– Немцы, конечно, – не задумываясь, ответил Йонас.

– Э-э-э, ну ты вечно за своих... А вдруг «советы»?

– Ты пессимист. «Советы» просрут. У них отличная техника, но из-за своего дурацкого «железного занавеса» они не могут толком изучить технику игры противников. Потому мы их сделаем!

– Натянем на мяч!

– Ах-ха. И вообще в финал не выпустим. И в полуфинал тоже.

– Порвем еще в отборочных! – воодушевился Питер.

Йонас перевернулся на бок, вытащил из кулька конфету и потыкал ею Питера в плечо.

– До чемпионата мира еще два года, – напомнил он. – Еще дофига всего произойдет. Может, Союз кончится за это время.

– Или футбол.

– Глупый, ах-ха? Футбол вечен! Пока есть Пеле, футбол точно будет.

Питер приподнял голову, соорудил злую рожу.

– Не упоминай его больше! А то фиг тебе, а не конфеты!

– Чего ты как девчонка, Пит? Бразильцы красиво играют, красиво выигрывают. Поэзия большого спорта! А ты уперся в личное отношение и бубнишь. Я вон «советы» терпеть не могу, но признаю, что игроки они охрененно мощные. Как таран. Бац!

Йонас подбросил палочку леденца вверх, поймал ее на лету и засунул в рот. Питер подумал, не надуться ли на него, и решил не обижаться. Он же не заставляет друга любить «кофейников», в самом деле.

Облака росли, собирались в громадные небесные стада. Толпились, закрывая солнце, медленно клонящееся к закату. Ветер усилился, стало прохладно.

– Вставай, надо домой, – вздохнул Питер. – А то мне отец уши накрутит, а тебе тетка.

– У тетки руки короткие, – буркнул Йонас и опустил на глаза козырек бейсболки.

Обычно этот жест означал конец темы, но сегодня задетый за живое разговором про бразильцев Питер не унимался:

– Опять учиться заставляет? Или грозитя из дома выставить?

– Просто поцапались.

Питер пожал плечами, встал, отряхнул короткие штаны от прилипшего сора и травы, взобрался вверх к обочине, поднял лежащий велосипед. Обернулся, чтобы убедиться, что Йонас идет следом. «Что-то он сегодня не в настроении, – нахмурился Питер. – Видимо, тетка его совсем запилила. У-у-у, ведьма...»

Тетка Йонаса была для него легендой. Йон мало рассказывал о ней, но из тех разрозненных кусочков, что Питеру довелось услышать, образ собирался склочный, властный и сказочно безжалостный. Тетка была сестрой матери Йонаса, работала в порту, хозяйство презирала и постоянно изводила племянника придирками. Потому мальчишка и предпочитал до темноты торчать у Палмеров. Работа для него всегда находилась, платили ему щедро: он прекрасно ухаживал за садом, да и обижать деньгами друга младшего сына мистера Палмера совесть не позволяла. Тем более что мальчишка не желал сидеть у тетки на шее и полностью обеспечивал себя всем, кроме жилья. «Вырастешь – пристрою тебя к нам на службу», – пообещал как-то мистер Палмер, увидев, как ловко Йонас чинит слетевшую цепь велосипеда Питера.

Свой велосипед Йонас собрал сам. Не ахти какой красоты агрегат вышел, но скорость развивал завидную, запросто обгоняя даже новенький «мэдисон» Питера. Мальчишка в красках рассказывал Питеру, с каких свалок он притащил какую деталь, сколько денег отдал прокуренному хромому Стиву с автомастерской за то, чтобы тот научил мальчишку зачищать железо от ржавчины, подгонять детали так, чтобы сочетались как родные. У того же Стива Йонас почерпнул, как называется какая гайка, какие ключи и отвертки для чего нужны и как не напрягаясь можно плюнуть на три метра. Йон все обещал научить плевать Питера, но раз за разом забывал. Или находились дела поважнее. Например, обсудить прошедший на днях футбольный матч, последнюю пластинку Бренды Ли или новую песню Рея Чарльза.

Ребята оседлали велосипеды и покатали в сторону усадьбы Палмеров, горланя по пути «Тутти-фрутти» и «Говори со мной нежно». Йонас перестал хмуриться, распелся так, что дважды забывал, куда едет, и, раскинув руки и задрав голову к вечеряющему небу, заруливал в придорожные кусты.

– «Моя девчонка Дэйзи вот-вот сведет меня с ума! – орали нестройным дуэтом мальчишки, вытаскивая велик из зарослей колючего можжевельника. – Девчонка Дэйзи сведет меня с ума! Она знает, как любить меня, да-да! Парни, вы бы знали, что вытворяет она!»²

– А кстати, – приподняв бровь, произнес Йонас. – Интересно, чего ж она такого вытворяла? Ты не думал?

– Это песня, – со знанием дела заявил Питер, вытаскивая ветки из-под заднего крыла велосипеда. – В ней слова просто для рифмы. Чего там думать?

Йонас сдвинул бейсболку и почесал затылок.

– Не, ну а вдруг она деревья пилила, как заправская лесопилка? Или могла живую свинью метнуть на десять шагов? – предположил он, еле сдерживая смех. – Не-не-не! Она могла пропукать американский гимн!

– Целиком! – добавил Питер и с хохотом повалился в кусты.

– Мистер Палмер, где ваше воспитание? – подражая тону Агаты, пробубнил Йонас, вытаскивая друга на дорогу вместе с велосипедом.

– Не смеди меня, дурак! – вытирая набежавшие слезы, проскулил Питер. – Глянь, я леденцы рассыпал!

---

² Перевод текста песни Литла Ричарда «Tutti Frutti». (Примеч. автора.)

– Это дар муравьиному королю! – провозгласил Йонас и назидательно поднял вверх указательный палец.

– Король слипнется, – прохихикал Питер и, присев на корточки, принялся собирать леденцы в кулек.

До поворота к дому Питера они дошли пешком, толкая велосипеды в горку и неспешно обсуждая планы на лето. У Йонаса их традиционно не было, так как ему просто некуда было деваться от тетки, а Питер очень хотел съездить в Лондон с отцом и старшим братом. Мистер Палмер должен был представлять последнюю свою разработку на ежегодном автосалоне и обещал взять младшего сына с собой поглазеть на самые красивые и редкие авто Британии. Питер предвкушал поездку, считая дни, оставшиеся на отрывном календаре.

– Йон, поехали с нами? – предложил он. – В отцовской машине места полно, я упрошу, чтобы тебя с собой взяли.

– Не, – смутился мальчишка. – Езжай ты. Я как-то... Ну я лишний.

– Ты друг! Ничего не «лишний»! Да отец тебя с радостью с нами возьмет!

Йонас скорчил рожу, почесал между лопатками.

– Ты – Пит Буду Знаменит. А я этот... как оно там? Вспомнил! Оккупант. И давай не будем на эту тему. Ах-ха?

Питер почти обиделся, но вдруг понял, что Йону от его обиды будет еще хуже. Что кроме Питера он так и ни с кем не подружился в деревне. Да и в Дувре, пожалуй, тоже. Деревенские дразнили белобрысого веснушчатого Йонаса «кляйне наци» и постоянно задирали. Хорошо, что кулаки у Йона были крепкими, да и на тумачи он не скупился. Плохо, что время шло, а друзей у него не прибавлялось. И Питер очень старался быть ему лучшим другом. И искренне верил, что это у него получается. Дело было даже не в конфетах и желании слушать истории про отгудышей. Просто Йонас нравился Питеру своей самостоятельностью, неизбалованностью, готовностью всегда помочь и поддержать. А еще, что немаловажно, он принимал Пита таким, какой есть. Пожалуй, он был единственным, кто не пытался что-то в Питере улучшить или переделать. И Питер это очень ценил.

Вот и сейчас, видя, как погрузнели глаза и опустились уголки рта друга, Питеру очень захотелось сделать для Йонаса что-то хорошее и настоящее.

– Йон, а давай в саду шалаш построим? – предложил он. – Ну его, автосалон этот. Давай сделаем шалаш, будем рядом костер жечь и жарить над огнем сосиски? И жить там будем все лето. Чтобы тебе к тетке не возвращаться...

Йонас усмехнулся, кивнул без особого энтузиазма:

– Я бы с радостью. Но она меня найдет и точно под замок посадит. И заставит постричься.

Он махнул рукой и медленно побрел по обочине в сторону деревни, толкая велосипед вперед. Питеру стало ужасно грустно. Он смотрел другу вслед и все искал слова, чтобы вечер не становился таким печальным. «Нельзя ссориться перед закатом, – вспомнил он слова мамы. – Перед расставанием – тоже. Заканчивать день надо с легким сердцем».

Питер бросил велосипед посреди дороги и бегом помчался за Йонасом. Догнал, толкнул в плечо и, когда друг обернулся, протянул ему пакет с леденцами.

– Отдай тетке парочку, – пропыхтел Питер, запыхавшись. – Чтобы подобрела.

Йонас улыбнулся, взял кулек с конфетами и задорно подмигнул:

– Тетка обломается. Она будет орать, а я – чувствовать себя королем. Потому что у меня будут леденцы, а у нее – нет. А шалаш мы с тобой построим. Обещаю. – Он помолчал и добавил: – Только и ты мне кое-что пообещай.

– Чего еще?

– Что в пруд за домом не сунешься. Даже на спор. Даже за деньги.

Питер поднял руки вверх, покивал.

– Окей-окей. Ты об этом полдня думал, что ли?

– Пит, я серьезно. Если брат тебя не напарил... а оно на то не похоже, то никому из вас лучше к пруду не соваться. Она опасна.

Йонас оседлал велосипед, держа пакет с леденцами в зубах, махнул Питеру рукой на прощанье и укатил. Питер пожал плечами, подобрал с дороги свой «мэдисон» и заторопился домой. Стрелки часов на запястье показывали время между выговором за опоздание и перспективой остаться без ужина.

– Пирожок, это ты? – окликнула с кухни мама, услышав его возню в прихожей.

– Я, мам. Прости, что задержался, – попытался избежать нагоняя Питер. – Мы с Йоном слегка заболтались.

Из коридора веселой стайкой примчались бишоны, полезли ласкаться. Вышла мама с любимой старенькой чашечкой для кофе в руках. Странно: Питер опоздал, а мама улыбалась.

Она обняла сына, поцеловала в торчащие на затылке вихры. Питеру вдруг стало ужасно неудобно. Будто он ну совсем не заслужил маминой ласки.

– А меня в школе гуталином измазали, – признался он тихо. – Наверное, от волос до сих пор воняет...

– Пахнешь мылом и съеденными леденцами, – таинственно сказала мама. – Спустись в нижнюю гостиную. Посмотри, что у нас там.

«Неужели правда?!» – подумал Питер – и внезапно испугался этой мысли. Йонас сказал, она опасная. Наверное, как акула. А он, дурак, принял ее за девочку-цветок... Но мама улыбалась. А это значило только одно: Йон ошибся, и никакой опасности нет.

Питер погладил собак, стараясь их успокоить, но те лишь сильнее воодушевились и устроили гвалт и кучу малу. Пришлось осторожно переступить через них и, не разуваясь, поспешить к входу в подвал. Дверь была приоткрыта, и Питер протиснулся туда, едва не оторвав пуговицу на рубашке. Стараясь не грохотать каблуками, спустился по лестнице.

Нижняя гостиная была полна народу. Папа, Ларри, Агата, прислуга, которая не разъехала по домам, невзирая на то, что рабочие часы закончились. Все они толпились возле иллюминатора и смотрели, изредка нарушая тишину восторженным шепотом.

А потом ее увидел и Питер.

Глава 6

Питер вглядывался в темную толщу воды за стеклом и думал: «Видел ли я в жизни что-то красивее?» Мама говорила, что мир жив только прекрасным. Природа создала саму себя так, чтобы перед ее красотой человек останавливался. Чтобы росток разрушения в нем замирал, уступая ростку созидания. Питер не сразу понял, почему одно должно вытеснить другое именно под влиянием красоты. Прошли годы, прежде чем он это осознал.

Красота прорастает в человеке желанием творить. Создавать самому то, что радовало бы глаз. Соревноваться с природой, пытаться встать с Творцом на одну ступень. Или хотя бы приблизиться. И те, в ком росток красоты сильнее ревности к гению Творца, делают этот мир живым. Но те же, в ком побеждает ревность, стремятся разрушить то, что так прекрасно. Они считают, что руины уничтоженной красоты делают разрушителя создателем, – и рушат, рушат... А красота залечивает раны, затягивая собой даже пепелища.

Когда Питеру было семь, отец рассказал ему о войне. Показал фотографии городов, уничтоженных бомбежками и пожарами почти полностью. Рассказал о том, как спасали музейные ценности, как потом восстанавливали разрушенное. Два года назад они всей семьей ездили в Ковентри. И там Питер своими глазами увидел, как ковер из вьющихся растений укрывает развороченные взрывами руины улиц. С самолета это было похоже на обезображенное ожогами лицо, постепенно покрывающееся новой тонкой кожей. Красота стремилась исправить то, что натворили люди. Оживить мертвую ткань мира.

С тех пор Питер начал рисовать. Сперва просто закорючки из плавных линий, соединяющиеся в узоры, несущие в себе зернышко красоты. Потом он открыл для себя богатство цвета, гармонию неброских акварельных полутонов. Он смотрел во все глаза, улавливая и запоминая великолепное цветение весны, насыщенную жаркую красу лета, драгоценное увядание осени. И блеклой сырой зимой Питер Палмер брал бумагу и краски и открывал прекрасному окошки в свой мир. Комната, увешанная рисунками, становилась живой, ночью мальчишка видел яркие, счастливые сны.

Сегодня красота взглянула на Питера Палмера из воды по ту сторону стекла. Идеальная белизна, завораживающая поэзия медленных, плавных движений, существо, словно сотканное из тончайших полупрозрачных тканей. Она казалось совсем юной – ровесницей Питера, девочкой-подростком. Тонкие белокожие руки, хрупкие плечи, еще совсем детское тело в окружении развевающихся в воде длинных белых лент делали ее похожей на пушистый цветок с множеством тонких лепестков. Точеная шея, аккуратная головка в ореоле длинных светлых волос – словно солнце в короне лучей. Лицо напомнило мраморные статуи Ренессанса: маленький рот, щеки идеальной белизны, аккуратный носик, плавная линия скул... А потом мраморная статуя открыла глаза, и Питер вздрогнул. Красота глядела ему в лицо глазами, полными тьмы, – черными, бездонными, с алым проблеском зрачков. От этого взгляда сбивалось дыхание и под рубахой становилось очень холодно. Одни лишь глаза кричали о том, что перед Питером – не человек.

«Она опасна...»

Существо за стеклом замерло, словно кто-то сделал фотографию. Или будто время остановилось не только для медленно поворачивающейся вокруг себя девочки-актинии, но и даже для ее странного платья. Застыли пышные кипенно-белые воланы и тонкие ленты, и лишь взгляд жил на белом-белом лице. И Питеру показалось, что той, с которой их разделяло толстое стекло, страшно и одиноко.

А через мгновение русалка метнулась к иллюминатору, осерив в оскале мелкие ровные зубы – идеально-острые зубы хищника. Люди, стоящие перед окном, подались назад.

– Она нас видит? – прозвучал испуганный голос Агаты. – Папа, она что – видит нас?!

– Успокойся. Да, видит. И воспринимает как угрозу, – обняв дочь за плечи, спокойно сказал мистер Палмер. – Это нормально, она абсолютно дикая. Но я ее воспитаю. А ты, милая, не приближайся к кромке воды. И за Питером смотри, чтобы он...

– Я слышу, пап, – мрачно отозвался Питер за его спиной. – Я не подойду.

Леонард Палмер обернулся, нашел сына взглядом, кивнул ему.

– Ну что ж, наша прекрасная Офелия перестала прятаться и явила себя. Предлагаю разойтись, – объявил хозяин дома и первым поднялся по лестнице; присутствующие потянулись за ним.

В гостиной возле иллюминатора остались только Питер и Ларри. Питер подошел поближе, оперся ладонями о стекло и вгляделся в темноту воды по ту сторону. Ничего. Будто девушка-цветок растворилась в одно мгновение.

– Ларри, прости, – произнес мальчик.

– Чего простить? – не отрывая взгляда от окна, спросил брат.

– Ну... я тебе не поверил. А ты правду мне сказал.

Питеру было стыдно. Будто он повел себя с Ларри как с заправским вруном. А брат хоть и был едким шутником и язвой, лгуном никогда не был.

– А, ерунда, – махнул рукой Ларри. – К тому же она пряталась в гротах. Я бы тоже не поверил, если бы мне сказали, что в пруду у нас русалка. Хороша, да?

– Очень красивая... – прошептал Питер.

Размытый светлый силуэт мелькнул в глубине – и снова исчез. Питер отошел, сел в кресло, его место у окна занял брат. Белый блик появлялся еще несколько раз. Будто обительница пруда ходила кругами у островка с подводными гротами.

– Мечется-то... Наверное, есть хочет, – прокомментировал Ларри. – Отец ее три дня не кормил.

– Почему?

– Добивался, чтобы она сама к людям вышла. Первый этап дрессировки: показать, кто хозяин и кто дает пищу.

– Так... никто же не дает, – растерялся Питер. – Что она может понять, когда она там одна и еды нет?

Ларри бросил на него взгляд, полный недоумения. «Странно, – подумал Питер. – Он ведет себя так, будто ему тут неуютно».

– А давай ее покормим? – предложил мальчишка. – Я с ней ужином поделюсь!

Брат невесело усмехнулся, пожал плечами, провел пятерней по зачесанным назад густым темным волосам. Отцовский жест. Как Агата с возрастом начала копировать маму, так Ларри похож на папу. Только в отце больше уверенности в себе, а в Ларри – кладезь дурацких шуток. Только что-то сейчас он какой-то растерянный.

– Ладно, валим отсюда, – пробурчал старший брат, засунул руки в карманы брюк и, насвистывая, вышел за дверь.

Питер подошел к иллюминатору вплотную и погладил толстое холодное стекло. Так странно оставаться наедине со своим же сном... Мальчишка чувствовал себя слегка обманутым. Он изо всех сил надеялся, что та, которую он видел несколько дней назад из окна оранжереи, окажется обычной девчонкой. С которой можно общаться, кататься на велосипеде, слушать музыку. С которой можно было бы подружиться.

– А ты не человек, – подвел итог своим мыслям Питер, пытаясь разглядеть в воде хоть что-то. – Йон сказал, ты опасная. Я ему не хотел верить, потому что ты слишком красивая, чтобы быть опасной и злой. Но... Я не знаю, что ты такое. И можно ли с тобой общаться, тоже не знаю.

Он поднялся по лестнице, щелкнул выключателем у двери. Свет погас, осталась лишь неоновая подсветка иллюминатора. Питер вернулся обратно, сел на пол перед окном.

– Мне кажется, ты не враг, – негромко сказал он. – Я сейчас подумал, как бы сам себя чувствовал на твоём месте. Знаешь... я бы в штаны наложил от страха, вот честно. Тут же для тебя не только люди чужие, но и мир вообще, да? Я вот почти взрослый, а расплакался бы. Ты плакать не умеешь, наверное. У тебя и так кругом вода.

У самого края иллюминатора что-то мелькнуло. Питер вытянул шею, стараясь увидеть скрытое от него рамой, и отпрянул обратно, встретившись с русалкой лицом к лицу. Она тоже испугалась, метнулась прочь.

– Фу, глупая, – выдохнул Питер, ощущая, как сильно колотится его сердце. – Я правда чуть не это... Напугала!

Она снова выглянула из-за нижнего края рамы. Питер замер и умолк, наблюдая за бело-снежной девочкой-цветком. Она медленно двинулась вдоль проема окна, трогая стекло с той стороны тонкими пальчиками. Когда русалка раскрыла ладонь, Питер рассмотрел между пальцами едва заметные полупрозрачные перепонки. «Забавно. Как у лягушки, – удивился мальчишка. – Только лягушачьи перепонки от начала пальцев идут, а у нее – от третьей фаланги. Ух ты! Да у нее и ушки есть!»

Уши были смешными. Когда русалка поднималась, волосы током воды относило назад, и проявлялись ушки, похожие на вытянутые вверх плавники с бахромчатым краем.

– Если у тебя есть уши, значит, ты что-то слышишь, – прошептал Питер. – Привет, Офелия. Ты на эльфа похожа. Я в «Хоббите» картинки видел.

Русалка замерла, алые зрачки метнулись, взгляд остановился на мальчишке. Питер улыбнулся и медленно поднял вверх раскрытую ладонь. Офелия отпрянула, но не спряталась. Лишь увеличила дистанцию. Повисла перед окном, согнув в локтях руки и сжав пальцы в кулаки. Склонила голову к правому плечу, потом к левому, будто прислушиваясь. Оборки и ленты ее платья шевелились в воде, как живые.

– Не, ты не эльф. Медуза? Не-а. Медуза не так красива. И похожа на гриб. А ты на гриб не похожа. Вообще. Ты как цветок. Астра или хризантема. Только с двумя ножками. Ну, стебельками.

Он говорил негромко, спокойно, доброжелательно – как с незнакомыми собаками, с которыми хотелось наладить общение. Питер понимал, что толстое стекло надежно отрубает все звуки, да и в воде слышимость очень странная, но втайне надеялся, что русалка его слышит. Может, так оно и было, а может, она просто изучала его, рассматривала, пытаясь понять, опасен он или нет. Во всяком случае, она не уплывала. Медленно кружила возле иллюминатора, подплывая то сбоку, то снизу, то выглядывая из-за верхнего края рамы вниз головой. Питер смотрел во все глаза, улыбаясь. С каждой минутой странное прекрасное существо казалось ему все более дружелюбным и менее опасным.

– Ты же просто девчонка, да? Просто живешь в воде. И что тебя бояться?..

Позади Питера отворилась дверь, щелкнул выключатель, залив гостиную светом. Русалка тут же метнулась прочь и затерялась в глубине. А мамин голос строго позвал:

– Пирожок, срочно за стол. Я не буду разогревать ужин в третий раз.

– Мам, прости, но тут...

– Я все понимаю, милый. – Тон миссис Палмер смягчился. – Новая забава, необычная и интересная. Она отсюда никуда не денется, а вот кто-то запросто останется голодным до утра.

Питер с кряхтением поднялся, подтянул штаны. Из кармана на ковер под ногами выпал мятый фантик от леденца. Мальчишка поднял его и поплелся за мамой.

– Ма-ам, а Офелию покормят? – спросил он, усаживаясь за стол в кухне.

– Да, отец на днях привезет ей живой рыбы, – откликнулась миссис Палмер, выкладывая на тарелку жареную картошку и тушеную говядину.

– Как «на днях»? – заволновался Питер. – Ларри сказал, она голодная... Мам, отдай ей мой ужин! Я все равно конфеты ел.

– Пирожок! Опять нарушаешь уговор? Никакого сладкого после...

– ...трех часов дня. Да, мама, прости. Но мы с Йоном так хотели конфет... – покаянно вздохнул Питер и тут же добавил: – Я добровольно останусь без ужина. Покорми Офелию, пожалуйста.

Миссис Палмер повесила на крючок у двери фартук и присела рядом с сыном. Питер отложил вилку от тарелки подальше, сцепил руки в замок на коленях.

– Я правда не голоден.

– Милый, русалка не ест человеческую еду. Ей нужна рыба, – мягко заговорила мама. – Сейчас уже поздно, папа завтра отправит кого-нибудь за живой рыбой в Дувр. Бери вилку. Приятного аппетита. Нам с тобой еще географию учить.

Питер вздохнул и принялся за еду. Ужин как-то не шел. Вроде и вкусно было, и конфеты в животе давным-давно растаяли, но... Он думал о русалке. О том, что сказал Ларри.

«Дрессировка. Чтобы показать, кто хозяин. И хозяин кормит, –ковыряя вилкой остывшие ломтики картофеля, хмурился Питер. – Как с плохой собакой. Или баргестами. Как можно дрессировать девочку? Она и так испугана, она издалека приехала, а тут еще и еды не дают... А может, прогулять завтра школу и купить ей рыбки? У меня же остались еще карманные деньги! Вот так я и сделаю, да!»

Поздно вечером, когда в доме стихли все звуки и даже собаки на первом этаже угомонились и перестали носиться, Питер пробрался в оранжерею, залез на любимый подоконник и приоткрыл окно.

Сад спал, освещенный луной – еще не полной, но такой яркой, будто ее отмыли щеткой с содой. В ее свете ночь казалась раскрашенной фиолетовой и серебряной краской. Фиолетовыми листьями играл ветер, серебристые волны шли по поверхности пруда. Русалка выделялась единственным белым пятном: высунувшись из воды по плечи и положив руки на край островка с гротами, она смотрела на луну. От ее неподвижности, от льющегося с небес молочного света, от шелеста листвы, в котором чудился шепот, Питеру стало невыносимо грустно. Ему казалось, Офелия смотрит не на луну, а в ту сторону, где остался ее дом. Смотрит и зовет. Только никто ее не слышит.

Он вернулся в свою комнату, закутался с головой в одеяло и быстро заснул. И вопреки своим опасениям, этой ночью он спал без сновидений.

Глава 7

Питер растерянно сморгнул и покорно полез в карман за деньгами. – Нет, ну-ка, погоди. – Кевин решительно перехватил его руку и обратился к продавцу: – Знаете, мистер, мне кажется, что вы нас грабите.

Грузный пожилой мужчина равнодушно пожал плечами:

– Не нравится – не берите. Но попробуйте найти у кого-нибудь еще живую рыбу в такой час.

– Простите, мистер, – торопливо проговорил Питер. – Я возьму! На все деньги, пожалуйста.

Он выгреб из кармана все, что было, высыпал на прилавок перед продавцом. Две мелкие купюры, десятка два монет... Продавец рыбы медленно пересчитал деньги, передвигая монеты к себе коротким волосатым пальцем, сдвинул брови к переносице:

– Это все?

Питер в панике зашарил по карманам, выудил еще шестипенсовик.

– Сколько я могу купить на это? – тихо спросил он.

Продавец надул губы, обдумывая ответ. В большой бочке у прилавка плескалась рыба. Питер переминался с ноги на ногу, чувствуя себя ужасно глупо. Он прекрасно знал, сколько стоит мороженое в кафетерии, где дешевле леденцы, у кого свежее лакричные конфеты и кто из продавцов не доливает кока-колу из автомата. Но ему никогда не приходилось бывать на продуктовом рынке в Дувре. Особенно за полчаса до его закрытия.

Питер все-таки не решился прогулять все занятия, сбежал с двух последних уроков. Когда он крадучись выходил со школьного двора, его заметил и догнал глазастый Кевин Блюм.

– Ты куда? Зачем в город? О, здорово! Я с тобой! – затараторил он возбужденно. – А в книжную лавку заглянем? Пит, ну будь другом!

Питер хотел ему сказать, что за книгами можно и без него, и не сбегая с занятий, но не смог. Настоял лишь на одном: сперва покупка рыбы.

И теперь они с Кевином мялись перед единственным на весь рынок продавцом живой рыбы, и Питер в панике гадал, хватит ли его карманных денег хотя бы на пару рыбешек.

– Кев, – шепнул Питер, когда продавец отвернулся. – У тебя не будет займы хотя бы шиллинга?

Кевин поправил на носу громадные очки, почесал задумчиво кудрявый затылок. Питер понял, что, даже если что и есть у Блюма в карманах, он не горит желанием выручить школьного приятеля. «Йонас бы помог», – подумал Питер и совсем сник.

– Столько тебе хватит? – пробасил продавец, выкладывая перед мальчишками сверток; из свертка подергиваясь, торчали три толстых рыбьих хвоста.

– Да, мистер! Спасибо! – воссиял Питер и на всякий случай спросил: – Я вам точно-точно ничего не должен?

– Иди, корми свою большую кошку, – засмеялся продавец. – Или у тебя их целая стая?

Питер помялся и решил ответить честно:

– У нас русалочка, мистер. И она очень-очень проголодалась. Отец забыл купить ей еды, вот и...

– Ну и ну! Чтобы в Дувре – и русалка? – удивленно протянул мужчина. – Я-то думал, это роскошь больших городов. Парень, передай своему папе, что у Хамфри Томпсона лучшая рыба в этом убогом городе! И приходи еще.

Питер кивнул, подхватил сверток и почти бегом направился к выходу с рынка. Кевин, ловко огибая попадающихся на пути людей, рванул за ним.

– Пит! Да погоди ты, Пит! Ты что – не друг мне больше, что ли?

Останавливаться не хотелось. Питером владело неприятное чувство, будто между ним и Кевином что-то треснуло. Вроде ничего не произошло, но почему-то болтать с приятелем желания не было. Но и ссориться без видимой причины было бы глупо. Потому Питер остановился и дождался, пока Кевин догонит его.

– Знаешь, хоть ты и пончик, но носишься как пуля, – почти с восторгом сказал мальчишка.

– Во мне сил много, – буркнул Питер. – А ты точно с утра пудинг не доел.

Мальчишки вышли на улицу, спустились к автостанции, спрятанной в густой листве кленовой аллеи, и встали напротив расписания автобусов в пригороды. И тут Питер понял, что денег на проезд у него не осталось. Он взглянул на часы, висящие над сеткой расписания: уроки заканчиваются через десять минут, можно попробовать бегом домчаться до школы, а там Тревор подъедет за ним и Агатой. Но есть опасность попасться на глаза учителю физкультуры, с занятием которого он удрал.

«Да, дела, – грустно подумал Питер, рассматривая рыбы хвосты, торчащие из бумажного свертка. – Надо скорее ехать, пока рыба свежая. Но как?» – Пит, а Пит, – окликнул Кевин. – А давай я из твоей сумки учебники к себе переложу, а ты туда покупки сунешь? Не ехать же с рыбой в руках.

– Хочешь поехать к нам? – озаренный идеей, предложил Питер.

Кевин засиял как новенький шиллинг.

– А можно? Слушай, у вас правда живая русалка? Или ты придумал?

– Правда, – улыбнулся Питер. – Только, видимо, мне придется пешком идти. Я все деньги потратил, а до школы мы с тобой добежать не успеем.

Кевин прищурился на солнце, пошарил в кармане, вытащил несколько пенни и два шиллинга.

– Я хотел на журналы потратить, но раз пешком... Едем на автобусе?

Питер радостно кивнул, и оба поспешили к окошку билетной кассы.

Автобус весело катил по загородному шоссе, оставляя за собой пышный хвост пыли. Питер сидел как на иголках, предчувствуя дома нагоняй от родителей. Кевин тархтел, не умолкая:

– Сколько же она стоила? Она злая? Знаешь, а по радио говорили, они наших солдат едят! А ты видел вообще, как она ест? А каких она размеров? Как – «без хвоста»? Палмер, ты паришь меня, что ли? Русалка – и без хвоста? Может, твоего отца надули? Может, это просто актриса? Поживет у вас недельку, вылезет из пруда и уйдет домой... Питер, ну что ты как маленький? Я ж вижу, что надулся. Мне интересно, вот я и спрашиваю. Я ж никогда оттудышей не видел. Только в журналах и несколько раз в новостях. Да вы счастливичики: своя русалка...

Питер что-то коротко отвечал, иногда просто кивал. «Странно, – думал он, глядя на игру солнечного света в листве. – Мне почему-то кажется, что мама, папа, Ларри и теперь еще Кевин воспринимают Офелию как-то неправильно. Как будто она какой-нибудь пони. Или хуже. Пони хотя бы не забывают покормить. Иногда гладят и угощают сахаром. А Офелия совсем одна в пруду. Ей может быть скучно или страшно. А об этом никто не думает. Надеюсь, ей рыба понравится. И тогда мне не будет так противен выговор».

Отцовский «роллс-ройс» мальчишки увидели на площадке перед гаражом еще с поворота дороги.

– Угу, мои уже дома, – уныло пропыхтел Питер и поправил на плече сумку с рыбой.

– Орать будут? – опасливо спросил Кевин.

– Надеюсь, при тебе постесняются. Давай через заднюю калитку пройдем? Сразу к пруду. Может, не попадемся никому на глаза. А если повезет, встретим Йонаса. Думаю, он не откажется покормить русалку.

Питер приоткрыл перед приятелем утопленную в живую изгородь калитку, посторонился, пропуская его вперед.

– А кто такой Йонас? Он немец, что ли?

Солнечный зайчик, отраженный очками Кевина, запрыгал по листьям дикого винограда. Из благоухающих зарослей жасмина выпорхнула малиновка, сердито пискнула и уселась на ветку поодаль от мальчишек.

– Йонас – мой друг. Да, он немец, и что? – пожал плечами Питер. – Ты проходи, не стой, у малиновки гнездо во-он там.

Кевин вытянул тощую шею, стараясь что-то разглядеть в сплетении ветвей, цветов и листьев, перехватил поудобнее сумку и поспешил за Питером по тропинке между яркими островками аквилегий, цветущих лилий, роз и декоративных трав.

– Как можно дружить с тем, кто твою родину бомбил и людей заживо сжигал в печах?

Вопрос догнал Питера, словно камень, брошенный в спину. Он обернулся и посмотрел на Кевина в упор.

– Йонас никого в печах не жег. Он наш ровесник. И сирота. И если ты ему хоть слово плохое скажешь... Я за тебя заступаться не буду, – очень серьезно произнес Питер.

До площадки перед прудом они дошли молча. Кевин лишь громко сопел и виновато зыркал в сторону школьного приятеля из-под шапки черных кудрей. Питер думал только о том, что сейчас он скормит русалке принесенную рыбу, она наестся, и ему станет спокойнее. Потому что он, Питер Палмер, все сделает правильно.

Гладь пруда встретила мальчишек едва заметной рябью. Питер скинул сумку на плиты дорожки, окаймляющей пруд, достал и распаковал рыбу.

– А где она? – растерянно спросил Кевин.

– Под водой. Прячется.

– Я думал, они иногда высовываются... – В голосе мальчишки скользнуло разочарование.

– Она и высовывается. Но не все время же.

Питер взял за хвост самую большую рыбку, сделал шаг к ограждениям на самом краю.

– Кев, отец запрещает сюда ходить. Потому встань не так близко к воде, – попросил он.

Кевин послушно отступил на пару шагов, присел на корточки и поправил очки. Питер вдруг занервничал: как подозвать русалку? Будет ли она есть? А не укусит ли она самого Питера? «Мы-то ее зовем Офелией, но знает ли она сама об этом?» – задумался он. Рыбья тушка свисала из стиснутого кулака, раскрыв рот. Как будто рыба сама подзывала русалку на трапезу. Питер встал на колени возле ограждений, склонился над водой, держась одной рукой за низкие перильца.

– Офелия, – позвал он неуверенно. – Я тебе поесть принес, выходи.

– А разве они что-то слышат? – удивился Кевин.

– У нее уши есть, – не отводя взгляда от поверхности воды, отозвался Питер. – Они же не просто для красоты, наверное.

Он ждал, что голодная Офелия выметнется из глубины прямо перед ним, как делают дельфины в зоопарке. Ему было немного страшно, но он замер и продолжал ждать. Правая рука, держащая рыбу на весу, устала, и Питер перехватил чешуйчатый хвост левой.

– Смотри! – шепотом воскликнул Кевин, и, когда Питер повернулся, он указал ему вперед и левее: – Возле островка... Это она?

Русалка почти сливалась с белым камнем острова. Держась одной рукой за край, высунув из воды голову так, что все, что ниже носа, было скрыто под поверхностью, Офелия наблюдала за мальчишками. Уши, похожие на мятые рыбки плавнички, слабо подрагивали. При свете дня Питер разглядел, что они у русалки не белые, а розоватые, к кончикам ярче.

– Какие у нее глазищи жуткие... – восторженно прошептал Кевин.

Офелия не отрывала взгляда от рыбы в руке Питера, покачиваясь в воде вверх-вниз, будто ей очень хотелось броситься, схватить пищу, но она не решалась. Длинные белоснежные волосы струились по поверхности темной воды, свивались с лентами платья русалки.

– Иди сюда, – позвал Питер тихо. – Иди. Кушать.

Тонкие белые пальцы отпустили край островка, Офелия быстро и бесшумно ушла под воду и вынырнула так же беззвучно на несколько метров ближе. Мальчишка покачал рыбой из стороны в сторону, опустил ее ниже к воде. Девочка-цветок снова нырнула.

– Питер, она не... – предупредительно начал Кевин и осекся.

Русалка вынырнула прямо перед Питером. По плечи высунулась из воды, склонила вбок аккуратную головку – как будто прислушалась. Мальчишка застыл, соображая, что делать. Ему очень хотелось бросить рыбу и отпрыгнуть на безопасное расстояние, но он не мог отвести глаз от невероятной, нечеловеческой красоты, до которой и было-то – руку протянуть еще совсем немного...

Питер как очарованный смотрел на медленное колыхание воланов и лент, на тоненькие косточки ключиц, выпирающих под алебастровой кожей, на то, как несмело тянутся к рыбине маленькие ладони с удлинненными пальчиками. Под водой за толстым стеклом русалка казалась больше, чем была на самом деле.

– Бери, – прошептал Питер. – Не бойся, это тебе...

Алые точки зрачков дрогнули, взгляд прозрачных, как черное стекло, глаз сместился к лицу Питера. Мальчишке стало не по себе, во рту мгновенно пересохло. «Если я разожму пальцы и прыгну назад, она меня не схватит, – пронеслось в голове. – Быстро разожму и отпрыгну, если... если...»

Бело-розовые ушки русалки приподнялись, Офелия приоткрыла рот и чуть раздула ноздри. Питер нервно сглотнул. Пальцы затекли, рыба в руке казалось тяжелой, как камень.

– Пи-ит? – жалобно протянул Кевин за спиной.

Белоснежные ладони, сложенные чашей, осторожно коснулись рыбьей головы, и Питер улыбнулся: есть! В ту же секунду кто-то грубо схватил мальчишку за шиворот и отшвырнул назад.

– С ума спятил? – прогремел мистер Палмер, возвышаясь над испуганно скорчившимся на земле Питером. – Ты совсем рехнулся?

– Папа, я ничего не сделал, – севшим голосом пролепетал Питер. – Я ей еды купил, пап...

– Мистер Палмер, здарсьте, я Кевин Блюм. – Мальчишка шустро втиснулся между отцом и сыном и протянул хозяину поместья ладонь. – Знаете, я очень рад познакомиться, очень-очень! Простите, мы действительно ничего плохого не хотели, мы кормили русалку. Пит сказал, ей забыли купить рыбы, вот мы и проявили ответственность.

– Ответственность... – сквозь зубы процедил Леонард Палмер, наблюдая, как светлое пятно исчезает в глубине пруда.

Питер наконец-то сел, зашарил руками в траве в поисках отлетевших с рубашки пуговиц. Кевин, бледный и говорливый в сто раз больше обычного, нес какую-то чушь про то, как он мечтал увидеть хоть одного оттудыша и как здорово, что мистер Палмер поймал и привез такую интересную зверюшку, и...

– Она не зверюшка, – пропыхтел Питер, поднимаясь.

– Она смертельно опасная тварь, – произнес отец таким тоном, что Питеру захотелось сей же момент сигануть в пруд и утонуть. – Мистер Блюм, я очень рад с вами познакомиться. И я очень надеюсь вас увидеть в гостях при более удобных обстоятельствах. А пока прошу нас извинить, Питер проводит вас до ворот и тут же вернется домой.

Кевин снял очки, протер их расстегнутым рукавом рубахи и тут же водрузил обратно на острый нос с легкой горбинкой. Посмотрел на Питера, поникшего и напуганного, и вдруг звонко, чеканя слова, проговорил:

– Мистер Палмер, если вы накажете Пита, это будет неправильно. Вы знаете своего сына лучше меня. И точно знаете, что он никогда не ушел бы с уроков просто так. Он исправлял вашу ошибку, сэр. Вы не покормили русалку, и Пит потратил все деньги, чтобы купить ей рыбу. Мы спешили, как могли, чтобы довести рыбу свежей. И Питер подманил русалку поближе, потому что я его об этом попросил! У меня слабое зрение, и... И если вы хотите наказать Питера, накажите меня и себя!

Питер смотрел на приятеля открыв рот. Он не ожидал, что тихий при взрослых, жадноватый Кевин за него так яростно вступится. Леонард Палмер, похоже, был обескуражен. Он сунул руки в карманы брюк, кашлянул, пытаясь скрыть неловкость. Взгляд его остановился на бумажном пакете с оставшейся рыбой.

– Что ж... В чем-то вы правы, юноша. – Мистер Палмер склонился, поднял рыбу и забросил ее в воду. – Но все же я прошу позволить нам с сыном разобраться самим.

– Пит, не провожай. Я помню дорогу.

Кевин улыбнулся, вытащил из своей сумки учебники и тетрадки Питера, протянул их приятелю.

– До встречи завтра? – промямлил Питер, исподтишка косясь на отца.

– Ага. И спасибо. Знаешь, ты классный друг!

Питер дождался, пока темные кудрявые вихры Кевина скроются среди кустов жасмина, тяжело вздохнул и поплелся за отцом в дом.

Глава 8

Дверь в отцовский кабинет закрылась, замок щелкнул, словно зубы хищного монстра. – Сядь.

Отец указал на кресло, и Питер торопливо в него плюхнулся. Коленки дрожали, тело, предчувствуя наказание, наполнилось мерзкой ватной слабостью. Подмышки рубахи пропитал едкий пот, и Питеру было ужасно стыдно, когда он представлял себя со стороны: толстый трясущийся вонючий трус. Хорошо, хоть штаны сухие.

– Папа, прости, – торопливо произнес Питер, глядя в пол.

Он панически боялся отца, когда тот злился. Нет, Леонард Палмер никогда не бил никого из своих детей. Не запирали их в темном сарае, не заставляли отжиматься как в армии или бегать вокруг дома до изнеможения. Просто в его голосе и глазах в такие моменты оживал чужой человек. Страшный человек, который прошел войну, – и война осталась в нем. Про войну Питеру рассказала мама, сам бы он не понял, что так жутко проглядывает в его сильном и сдержанном отце в редкие минуты гнева. Он боялся войны. Слишком глубоко въелась мамина мантра, которую он слышал каждый день с самого детства: «Никакой войны здесь. Это далеко, умоляю – не зовите». Слишком хорошо запомнился разрушенный Ковентри. Альбомы черно-белых фотографий, на которых мертвых было куда больше, чем живых. Для Питера – благополучного, доброго, сытого, с рождения живущего в тепле и изобилии, – война была самым страшным из всего, что он только мог себе вообразить. Она не шла ни в какое сравнение с «русской угрозой», с вторжением оттудышей и уж тем более – со школьными проблемами или страшилками из книг. Питер видел войну на фото. Знал о ней по рассказам взрослых. Трогал руками цветы, растущие на месте жилого дома в Ковентри. И помнил, что война сделала Уилла Мерфи безумцем, и он убил себя. Война была для Питера материальной.

– Папа, я виноват. Накажи меня, но только не злись, пожалуйста. – Голос сорвался, мальчишка всхлипнул от нахлынувшего страха и умолк.

Он смотрел в пол прямо перед собой. Видел отцовские начищенные ботинки – дорогие, купленные прошлой осенью в Лондоне, когда мистер и миссис Палмер ездили на какой-то модный спектакль в театр, название которого Питер не запомнил. Ботинки, которые отец почему-то не снял при входе в прихожую, и светлые брюки, в которых он ходил дома.

– Посмотри на меня.

В голосе Леонарда Палмера не было гнева. Сдержанность – и только она. Спокойный тон, которым папа Питера, Агаты и Ларри обычно разговаривал по телефону со своими коллегами. Не страшный. И Питер несмело поднял взгляд от начищенных длинноносых ботинок к отцовскому лицу.

Отец не злился. Волновался, нервничал, то и дело касаясь то усов, то чисто выбритого подбородка. Но не злился, нет. Когда человек злится, он может только говорить сам. Или кричать. Мистер Палмер же был готов к диалогу с сыном и ждал, когда Питер успокоится. И, заметив, что сын на него смотрит, он заговорил первым:

– Давай поговорим как взрослые люди. Ты уже не такой маленький, чтобы тебя просто наказывали. В двенадцать лет стоять в углу несолидно и нелепо. Ты меня слушаешь?

– Да, папа, – уныло откликнулся Питер.

Леонард Палмер выдвинул из-под письменного стола стул, поставил напротив сына, сел. Нахмурился, представив себе, как это смотрится со стороны, вернул стул на место и опустился в кресло рядом с Питером.

– Вот и хорошо, – облегченно произнес мистер Палмер и побарабанил пальцами по резным подлокотникам. – Понравилась русалка?

– Очень, пап.

– Спасибо, что купил ей рыбы. Взрослый поступок. Я, признаюсь, о покупке просто забыл. Сдавал концепт новой модели, заработался и... Спасибо, Питер. Только не стоило из-за этого прогуливать школу. Попросил бы Тревора, заехали бы с ним на дуврский рынок после учебы.

– Рынок закрывался раньше, чем заканчивались занятия. – Питер старался говорить спокойно, как взрослый, а не ныть. – Я виноват. Я впервые прогулял, пап. Ты же знаешь, что я ответственный.

– И честный. Потому сейчас я хочу услышать от тебя два честных ответа на два важных вопроса.

Питер кивнул, немного успокоившись. Разговор – это все же не четыре часа стояния в углу и не «завтра ты с Робертом и Клариссой убираешься в птичнике». И даже не «в наказание ты с нами на пикник не едешь».

– Хорошо, – продолжил отец. – Вопрос первый: ты думал о том, каково будет мне или Тревору ждать тебя у школы, а потом узнать от учителя, что ты сбежал? Не знать, где тебя искать и что сказать маме.

Питер покраснел до корней волос. Конечно, об этом он не подумал. Сбежал – и все. Физкультура же – это не серьезно. Не математика. А тут вон как. «А они могли решить, что меня похитили. Инопланетяне или русские», – вздохнул мальчишка. Ему стало чудовищно стыдно. Надо же, такой глупый, детский поступок!

– Я не подумал, папа, – пробормотал он. – Прости, пожалуйста.

– Перед ужином встанешь из-за стола и извинишься перед всей семьей за свой поступок, – строго произнес отец. – А теперь второй вопрос: что ты думаешь о существовании в нашем пруду?

Мальчишка окончательно растерялся и застыл, обдумывая вопрос. «Что отец хочет от меня услышать? Здесь какой-то подвох, это точно. Но что я сказать-то должен?» – лихорадочно соображал он.

Леонард Палмер ждал, выбивая на подлокотниках кресла незамысловатый ритм. Взгляд его скользил по корешкам книг в шкафах у стены напротив, по громоздкому ящику телевизора, по комоду у окна, уставленному антикварными статуэтками супруги. В дверь вежливо постучали, заглянула Агата. Отец нахмурил брови, качнул головой: я занят. Агата тут же исчезла.

– Питер? – вежливо обозначил конец ожидания Леонард Палмер.

– Я... Я думаю. Она красивая, пап. И как я. В смысле, она юная. Да? – Отец сдержанно кивнул, и Питер продолжил, путаясь и запинаясь: – И мне кажется, ей надо показать, что мы рады, что... что она гость. И надо относиться к ней более... М-м-м... Более добро, что ли. Добрее, вот! Мне показалось, ей тут страшно. И я купил ей рыбу. Папа, я Кевину должен за автобус, он меня привез, когда я... я...

– Понятно, – прервал словесные мучения Питера отец. – Ты видишь в ней кого-то, с кем можно подружиться. Так? Значит, я не ошибся. А теперь послушай меня очень внимательно, Питер.

Мистер Палмер подался вперед, оперся локтями на колени, склоняясь к сыну ближе.

– Ты ошибаешься. Она не человек. Совсем. Она просто похожа на нас. Русалки не понимают речи, сынок. Абсолютно. Любой из языков нашего мира для них – тарабарщина. Потому что их мир – совершенно иной. Там нет людей. И там, откуда привезли Офелию, человек для них значит только одно: враг. И если у нее будет возможность напасть, навредить, покалечить или даже убить человека – она этим обязательно воспользуется. В воде она чудовищно сильна. Ей ничего не стоит свалить тебя в пруд и утопить. И никто из нас, взрослых, не успеет ничего сделать. Поверь, она это уже проделывала с другими людьми.

– Офелия убивала?! – Глаза Питера стали совсем круглыми от изумления и ужаса. – Она же девчонка совсем...

– С такими «девчонками» мы воюем уже восемнадцать лет. Вдумайся. – Отец поднялся из кресла, давая понять, что серьезный разговор окончен. – Можешь идти. И не забудь извиниться перед семьей за ужином.

Питер послушно покивал и поплелся в свою комнату. В коридоре пересекся с Агатой: та высокомерно вздернула подбородок и презрительно фыркнула. «Ну да, ты сегодня вся такая правильная и любимая родителями, – подумал Питер, глядя, как сестра скрывается за углом. – Зато я видел Офелию близко-близко».

До ужина Питер просидел над рисунками. Развешивающиеся ленты и рюши ну никак не желали выходить из-под кончика карандаша, цвета все были не те, и мальчишка ужасно злился. Один за другим листы бумаги летели на пол, Питер несколько раз ломал и точил карандаш. Русалка не рисовалась ни в какую. В итоге он плюнул и нарисовал себя, тонущего в пруду вверх ногами.

И в один момент его вдруг до ужаса ясно накрыло осознание того, о чем говорил ему отец. Обычно, когда взрослые читают тебе мораль, в какой бы форме они этого ни делали, ты стараешься побыстрее забыть то, что тебе говорили. Просто потому, что в тебе играет обида и все слова «нравовучителя» хочется зачеркнуть из чистейшего противоречия. Но в этот раз Питер Палмер задумался. И испугался.

«Если мы столько лет воюем с обитателями того мира, что наслои́лся на наш, насколько же они сильны? – глядявываясь в линии своего рисунка, подумал Питер. – Это же именно настоящая война, где гибнут наши солдаты, защищая нас от вторжения! И договориться они не могут, потому что оттудыши не знают нашего языка, ведь верно же. И папа правильно сказал: они не люди, а люди для них – это боль и смерть, которую несет оружие. И Офелия тоже видит в нас врагов. Она же военнопленная, получается... А если показать ей, что я не враг? Если я попробую научиться понимать ее, а ее саму научу понимать нас? Но как это сделать? Заключить мир с тем, кто пленен, кто напуган и хочет тебя убить... Это вообще возможно? Ведь, скорее всего, так и случится, как отец сказал: я к ней с добром, а она меня утопить захочет. Отомстить и съесть, как рыбу... Это сейчас она боится. А вдруг она пообвыкнет и начнет всех нас уничтожать, как в комиксах?»

– Да ну, не... Может, папа все же ошибается? – вслух произнес Питер и решил: – Поговорю с Йонасом. А еще найду в библиотеке все, что писали про русалок. Я обязан знать все о той, с кем хочу заключить мир. Потому что в нашем доме войне не место.

Перед домашними Питер извинился, клятвенно пообещал вести себя осмотрительно и не ставить родных в неудобное положение перед своими друзьями. А на следующий день попросил отца заехать с ним в городскую библиотеку после уроков, где набрал здоровенную подшивку журналов и газет со статьями, посвященными изучению оттудышей. Мистер Палмер одобрил внезапный интерес сына и даже сам помог отобрать материал для чтения. Полтора часа Питер вчитывался в статьи, но они все были слишком похожи друг на друга и не содержали почти ничего, кроме отсылок к фольклору, анатомии оттудышей с фотографиями кусков мертвых тел и немного информации о том, где тот или иной вид обитает.

Домой Питер приехал с атласом-определителем оттудышей, выданным библиотекой для чтения дома, и в такой задумчивости, что не услышал, как его окликнул Йонас, который подвязывал пышные кусты пионов. Пришлось Йону бросить в него камушком для привлечения внимания.

– Эй, Пит Безмолвный Монолит, привет! – замахал он неизменной красной бейсболкой. – Ты от зубного, что ли? Молчишь, и лицо такое... А?

– Привет, Йон! – Питер остановился и продемонстрировал другу книгу: – Вот, взял почитать. Книжка толстая, видимо, много полезного написано. Ты уже видел нашу русалочку?

Йонас неопределенно повел плечами и коротко ответил:

– Я работал.

– Эх ты! А она такая классная, хоть и дикая. Отец назвал ее Офелией.

– Ах-ха. Офелия, – кивнул Йонас и подбросил в руке секатор. – Ладно, мне еще опоры под смородиной чинить.

– Не увлекайся, – подмигнул Питер и добавил: – Я переоденусь, поем и выйду.

Уплетая сэндвич с тунцом, Питер листал библиотечную книгу. Пока дошел до главы о русалках, посмотрелся на кентавров, дриад, баргестов, пикси, келпи, диких людей и сиринов. Подивился разнообразию видов и непохожести фотографий на то, как видели оттудышей художники. Особенно позабавили картинки из старинных, еще рукописных книг. На них оттудыши выглядели настоящими исчадьями ада. Все с когтями, выпученными глазами, раззявленными зубастыми пастьями. Даже пикси.

Про речных русалок было мало. То, что они красивы и изящны, Питер и без книги знал. Про «быстры, сильны и опасны» наслышан. А вот то, что окраска русалки меняется с возрастом, было для мальчишки в новинку. Оказалось, белыми у речных русалок бывают только дети. А потом белизну разбавляет слабый розовый, золотистый и голубой, появляющийся в окраске волос, ногтей и ушей. Речная русалка на цветной вклейке напоминала цветок лотоса из маминной оранжереи. Питер долго любовался этой картинкой, гадая, будет ли Офелия такой же.

– Ты прикинь, у нее платье – это она сама! – поделился он с Йонасом, когда тот устроился на скамейке передохнуть. – В смысле, что это не тряпочки, а ее тело. Классно, да?

– Ах-ха, – потягивая воду из молочной бутылки, отозвался Йонас. – Я это знаю. И про окраску тоже. Русалки взрослеют быстрее людей, так что сам скоро увидишь, какого цвета ваша.

Питер, прищурившись, поглядел на облака, заволакивающие небо. Эх, сегодня, похоже, на великах им не покататься.

– Йон, я только одно никак не пойму: у них самцы-то есть? Ни на одной картинке нет чего-то похожего на мужчину. Или они все такие... в платьях?

Йонас задумчиво почесал нос.

– Ну, я про мужиков речных русалок тоже не слышал. Да речные сами по себе редкость. Но как-то они размножаться-то должны, верно... Может, к ним морские заплывают время от времени? Знаю, что в крупных реках морские русалки иногда встречаются. Приплыл, намутил детей, уплыл.

– Или они как самки лягушек. – Питер напрягся, вспоминая сложное словцо с занятий по биологии. – А! Это... партеногенез, вот! Когда самца нет, самки рожают сами себя, во.

– Как куры, что ли? – хмыкнул Йонас. – Дурацкие птицы.

– Ага. Я и подумал: может, и речные русалки так же?

– Ах-ха. Может, в бадминтон поиграем? Ну их, оттудышей этих. Ты только и говоришь сегодня, что о русалке. Давай лучше разомнемся. У меня все затекло от сидения в кустах. Смородина ваша – чистая бука, вот. И пионы безалаберные. Скажи миссис Палмер, чтобы иногда выливала под них то, что от чая остается.

– Заварку?

– Ах-ха. От нее стебли крепче будут, и кусты не станут так заваливаться.

– Ты ей сам скажи, вон они с Агатой и бишонами. А я пока за ракетками сбегая.

Йонас поднял вверх правую руку с пальцами, растопыренными буквой V, положил на скамейку бейсболку, провел рукой по растрепанным волосам и пошел к пруду, где на подстриженной лужайке хозяйка усадьбы вместе с дочерью играли с собаками. Питер подтянул шорты и поспешил в дом. Хотелось до дождя хоть часок пообщаться с другом. А потом опять за уроки.

Глава 9

Яркий, полосатый как арбуз мяч звонко бился о ладони, перелетая через натянутую сетку. – Мама, поднажми! – азартно верещала Агата, бегая туда-сюда и стараясь поймать мячик.

Йонас, Ларри и Питер выигрывали этот тур в волейбол. Точнее, выигрывали Йонас и Ларри, а Питер только пыхтел и старался не путаться под ногами. Он вообще был посредственным игроком в любые активные игры, но всегда с удовольствием участвовал. «Двигаться полезно, – думал мальчишка, перебегая вдоль сетки с места на место и пытаясь отбить мяч. – Это весело. Это все вместе. Это не уроки. Никто не засмеет». Питер и в школе пытался играть в баскетбол, футбол и волейбол, но одноклассники над ним вечно подшучивали, посмеивались и старались в команду не брать. А двигаться хотелось. Питер Палмер, невзирая на лишний вес, обожал движение. То они с Йонасом гоняли на велосипедах, то играли в футбол с деревенскими, то запускали воздушных змеев. По выходным Питер с мамой и Агатой совершали конные прогулки. А пару раз в гостях у Кевина Блюма Питер играл с его собаками: бросать мячик или палку двум бордер-колли можно было часами, и он прекрасно с этим справлялся.

Но футбол и волейбол он любил больше всего. И велопогулки – когда не слетала цепь. – Пит, держи!

Ларри на лету поймал посланный Агатой мяч и бросил его Питеру. И впервые за всю сегодняшнюю игру младший брат его отбил. Носом.

Кровь хлынула мгновенно – жидкая, липкая, отдающая железом и солью. Больно почти не было, но обидно – до жути. Питер стоял, опустив голову, и все старался зажать нос ладонями, но с пальцев капало на голубую футболку, на траву, еще не подсохшую после дождя... Мама захлопотала, заахала, вытащила из кармана тряпицу, сунула ее Питеру в руку, что-то начала говорить, только он не слушал. Ларри побледнел, принялся извиняться, а младший брат твердил, как заведенный: «Да ничего страшного, мне не больно, правда-правда». Агата стояла посреди лужайки, прижав ладони к щекам, и быстро-быстро моргала. Йонас подбежал, что-то спросил у нее, она не ответила. А дальше Питер зачем-то сел в траву, потом лег. И все куда-то отдалилось, померкло...

– Мам, может, к врачу? – донесся издали голос Ларри, и Питер открыл глаза.

Над ним склонилась вся семья – даже папа прибежал. Рядом скакали Фроззи, Сноу и Лотта и радовались, что Питер не умер. Мальчишка приподнялся на локтях, брезгливо сбросил мокрую тряпку, лежащую на переносице.

– Не надо врача, я живой, – попытался он сказать бодро, но получилось еле слышно и ужасно гундосо.

– Пирожок, как мы испугались! – плаксиво протянула мама. – Как ты себя чувствуешь?

– Да отвратительно, – мрачно ответил за него Ларри. – Глянь, носа не осталось, губа разбита. Давай вызовем ветеринара, пусть усыпит?

– Лоуренс! – воскликнули Агата и отец.

– Так жалко же, ему с такой рожей всю жизнь жить.

– Лоуренс!!! – к возмущенному хору присоединилась мама.

Брат отошел, подняв руки. Питер было нахмурился, но тут услышал, как где-то позади него смеется Йонас. Сперва тихонько, сдержанно, стараясь сохранять достоинство и уважение. Но смех было не унять, и спустя несколько секунд Йонас расхохотался во все горло – звонко, заразительно и совершенно не обидно. И вот уже рассмеялся отец, прикрыла рот ладонью мама, от хохота согнулся пополам Ларри, и Питер тоже захихикал, представляя себя без носа и с распухшей губой. Одна Агата надулась, покраснела и произнесла:

– Ну хватит вам! Как дураки, фу.

– Как жить без носа? – простонал Питер, всхлипывая от смеха.

– Во ты красавчик! – ржал поодаль Ларри. – Пит, можешь наложить на меня штраф! Обязуюсь выплатить!

Йонас подошел, уселся на траву рядом с Питером, хлопнул его по колену:

– Пит Словил Метеорит! – провозгласил он весело. – У тебя вид, как будто ты подрался. И вышел победителем, ах-ха! Башка гудит?

– Немного, – прислушавшись к ощущениям, ответил Питер. – Но все отлично. Думаю, могу продолжать игру.

– Ну уж нет! – строго отрезал отец. – Давайте-ка вы оба пойдете в дом и поиграете во что-то нетравматичное. Питер, тебе бы умыться и сменить рубашку.

Йонас помог Питеру подняться. В доме затрезвонил телефон, Агата мигом унеслась и немного погодя прокричала из распахнутого окна:

– Папа, это тебя!

Мистер Палмер вежливо улыбнулся мальчишкам и поспешил в дом. Ларри последовал за ним, бросив по пути:

– С меня поездка в кафетерий в этот выходной! Во искупление грехов.

– Ах-ха! – довольно откликнулись Йонас и Питер.

Где-то у пруда залаяли бишоны. Йонас, который направился было за злополучным мячом, обернулся на лай и вдруг побледнел.

– Миссис Палмер! Не надо!!! – закричал он и бросился через лужайку за кусты рододендронов.

Перепуганный Питер побежал за ним.

Собаки радостно скакали вокруг хозяйки. Оливия Палмер с недоумением смотрела на Йонаса, выжимая носовой платок, которым Питер унимал кровь из носа. Йонас стоял перед ней – не на шутку испуганный, тяжело дышащий. Бледный до того, что даже веснушки померкли.

– Йон, милый, что с тобой такое? – заволновалась миссис Палмер. – Что случилось?

– Платок, – выдавил мальчишка. – Русалка...

Миссис Палмер обернулась на водоем, пожала плечами.

– Я посмотрела, где она, прежде чем прополоскать. Она и сейчас там, видишь? Вон, около решетки у дальнего края.

Офелия действительно была далеко. Покачивалась вверх-вниз, поглядывая туда, где вольно бежал ручей, снабжающий пруд водой. Последние несколько дней она проводила там почти все время, лишь изредка приплывая схватить брошенную ей рыбу и по ночам прятаясь в гротах. Питер думал, что она тоскует по дому. Пару раз он обходил прудик и из зарослей жасмина рассматривал русалку. Она презабавно расправляла уши-плавнички и распушала платье. Питер весь блокнот изрисовал ее портретами.

– Йон, да все в порядке, – попытался мальчишка успокоить друга. – Сам же видишь. Пошли поглядим комиксы? Папа вчера привез мне свежие выпуски «Марсианского охотника».

– А я вам какао сварю, – оживилась мама. – Будете?

– Я домой, – бесцветным тоном сказал Йонас. – Совсем забыл, что тетка велела до ужина выбить подушки и матрасы. Извините, миссис Палмер. Я пойду, Пит. Пока.

Он подобрал с земли оброненную бейсболку, привычным жестом отряхнул ее, хлопнув об колено, и быстрым шагом удалился в сторону ворот. Питер и мама переглянулись.

– Я тоже не понял, мам, – вздохнул мальчик. – По-моему, он просто за тебя испугался. Мне от папы влетело, когда я чуть руку в пруд не сунул перед Офелией.

Он присел на корточки, погладил подбежавшую собаку и спросил:

– Мам, ты тоже думаешь, что Офелия опасна?

Миссис Палмер подхватила на руки Лотту, поправила на ней бархатный бант.

– Я не знаю, что сказать тебе, милый. – В голосе матери Питер расслышал грусть и растерянность. – Она не производит впечатление агрессивной. Если зубы не видеть. Но я не понимаю, что она такое. Потому опасаюсь. Да, пожалуй, она пугает меня.

– Мам, она просто девочка, которая живет в воде. Посмотри: ей одиноко. И она нас боится гораздо больше, чем мы ее.

Она глубоко вдохнула, чтобы ответить сыну, но передумала и сказала:

– Идем в дом, Пирожок. Тебе необходимо переодеться. А я так и не узнала у Агаты, скольких она пригласила подружек.

– Подружки Агаты? А какой повод?

– Всем интересно поглазеть на русалку.

Она подозвала собак, обняла сына за плечи, и они пошли по дорожке к дому. На углу Питер обернулся и посмотрел на пруд: Офелия отплыла от решетки и скрылась под водой среди листьев кувшинки. Как будто поняла, что компании ей не будет.

Вечером мистер Палмер нарезал выпотрошенную рыбу на ломтики, сложил ее в миску и спустился к пруду. Любопытствующие Агата и Питер увязались за ним. Воздух пах влагой, конюшной, разогретой за день солнцем жестяной крышей сарая, и все эти запахи тонули в тяжелом, вязком аромате роз и лилий. В кустарнике у забора отрывисто тренькал крапивник. Солнце еще час назад скрылось в пышных темных тучах, предвещая дождливый день. Мама в доме включила подсветку водоема, и темная поверхность воды отразила светлые блики фонарей.

– Пап, а зачем тебе этот прут? – спросила Агата, поигрывая двухметровым гибким прутком с голубым огоньком на конце.

– Эта вещь поможет объяснить Офелии, чего я от нее хочу, – закатывая рукава рубашки, ответил отец. – Пожалуйста, не касайся огонька. Обожжет.

Питер хотел спросить, чего же именно хотят от Офелии, но не стал. Леонард Палмер не любил дерзких вопросов от младших детей. Из всех троих только Ларри позволялось быть с ним на равных. Нарываться на недовольство отца не хотелось, и Питер просто сел на скамейку у пруда. Чтобы отвлечься от ненужных мыслей, он сосредоточился на ощущениях в распухшем раненом носу.

Леонард Палмер забрал у дочери прут, поставил миску с рыбой в полуметре от кромки воды, зачем-то разулся на каменных плитах дорожки, окаймляющей пруд, и присел на корточки у самого края.

– Офелия, – позвал он, постукивая миской об камни, – иди сюда.

Питер вытянул шею, пытаясь рассмотреть хоть что-то со своего места. Фонари пятнали воду ярким светом, и углядеть среди них белую русалочку было очень тяжело. Прошла минута, но Офелия не появлялась.

– Может, она спит? – предположила Агата. – Они же спят по ночам?

– Может, – согласился отец. – Но эта юная леди не ужинала. И вообще не ела сегодня. Потому ждем.

Он снова постучал миской, бросил в воду кусочек рыбы. Агата потопталась рядом, разочарованно вздохнула и полезла нюхать розы.

Питер представил себе, как в глубине спит девочка-цветок. Уютно, как в колыбели. Медленно колышутся оборки и ленты пышного платья, слабым током воды перебирает пряди бело-снежных волос. Руки покоятся на груди, опущены густые ресницы...

«Офелия, проснись, – мысленно обратился к ней Питер. – Тебе папа рыбы принес. Приходи».

Она появилась внезапно и бесшумно – как всегда. Показалась над водой аккуратная головка со смешными ушами, тут же скрылась – и вот уже русалочка вынырнула в нескольких метрах от мистера Палмера.

– А вот и ты, – дружелюбно произнес он и показал ей кусочек рыбы: – Хочешь? Иди-ка сюда.

Русалка поглядела на рыбу, потом на Питера.

«Ты чего? – удивился про себя мальчишка. – Просто рыбка. Иди, возьми».

– Офелия, иди сюда, – в отцовском голосе прорезались нетерпеливые нотки. – Давай-давай. Хватит бояться. Кто трус, тот не ест.

«Просто рыба, – мысленно подбадривал ее Питер. – Кушать. Не бойся, возьми».

Мистер Палмер перехватил поудобнее прут правой рукой, левой подбросил кусочек на ладони. Офелия снова нырнула, проплыла под поверхностью воды, высунулась у самого края водоема. Почти под ладонью отца Питера.

– Молодец, – похвалил мистер Палмер. – Держи.

Осторожно держа рыбу двумя пальцами, он протянул ее русалке. Офелия дернула ушками, опустила их, почти прижав к голове. «Бойся, – подумал Питер, привставая с места, чтобы лучше видеть. – Не бойся. Папа принес еду».

Русалка медленно-медленно протянула руку, взяла кусочек тонкими пальцами и сунула в рот. Сглотнула и замерла, глядя в сторону Питера.

– Чего я-то? – прошептал он. – У папы еда, не у меня.

– Офелия, – звал отец, – бери еще.

Второй кусочек она взяла смелее, за ним третий, четвертый. Забирая очередной, русалка коснулась руки Леонарда Палмера, испуганно метнулась прочь.

– Все хорошо, – поспешно сказал он. – Хорошая девочка, смелая. Иди, иди сюда.

Вскоре миска опустела. В ладони мистера Палмера остался один кусок – самый большой. Офелия смотрела то на пищу, то на человека, который предлагал ее.

– Иди сюда, – спокойно и твердо позвал мистер Палмер. – Ты меня потрогала, теперь это сделаю я. А ты получишь свою рыбу. Пит, ты здесь?

Мальчик подошел, встал рядом. Офелия приподняла уши, склонила вбок голову и приоткрыла рот. Выглядело это так, словно она радовалась, что Питер близко.

– Возьми прут, – негромко сказал ему отец. – Если она сделает хоть одно резкое движение – просто ткни ее огоньком.

Питер поднял странную штуковину с земли, сжал в кулаке и снова мысленно обратился к русалке: «Офелия, эта штука делает больно. Пожалуйста, будь умницей. Или мне придется тебя обидеть, а я не хочу».

Леонард Палмер показал Офелии раскрытую ладонь. Русалка шарахнулась в сторону, прижав к груди кулачки, но быстро успокоилась, вернулась на прежнее место и уставилась на остатки рыбы. Мистер Палмер положил рыбу на край бортика, медленно занес ладонь над головой девочки-цветка. Уши Офелии снова задрожали, прижались к мокрым волосам. Она мелко заморгала, губы вытянулись в напряженную тонкую линию.

– Не бойся, не бойся, – тихо уговаривал ее мистер Палмер. – Питер, ты следишь?

– Да, пап.

Большая сильная ладонь коснулась светлых волос. Офелия встрепенулась, зажмурилась – совсем как человек – и резко ушла под воду.

– Ну вот, – удовлетворенно произнес Леонард Палмер, поднимаясь с колен. – На подзыв она приходит, пищу из рук берет. К прикосновениям мы ее быстро приучим, полагаю. И за месяц подготовим к первой выставке.

– К какой выставке? – упавшим тоном спросил Питер, все еще держа в руках прут с голубым огоньком.

– Увидишь, – улыбнулся отец. – Эта русалка принесет нам много денег. Куда больше, чем я на нее потратил! Сперва эта маленькая красавица покорит Англию, потом Европу. А через годок-другой ее можно будет привезти и на всемирную выставку прирученных оттудышей!

Утром Питер увидел, как рыбу, оставленную на бортике у пруда, доедает соседский кот. Как будто он, а не Офелия, ее заслужил. Будто это голодный дикий кот позволил себя погладить, а не плененная девочка-цветок. И было в этом что-то настолько отвратительное, что Питер едва удержался, чтобы не швырнуть в кота комком земли.

Глава 10

Неделя выдалась жаркой и скучной. Учебный год стремительно катился к концу, готовить уроки хотелось все меньше и меньше, но мистер Палмер поставил младшему сыну условие: если триместровая оценка по математике будет на балл выше, Питер едет на ежегодный автосалон с одним из друзей. Приходилось вечерами прорешивать столбцы ненавистных примеров вместо того, чтобы читать или гонять на велосипеде.

В редкие минуты свободного времени Питер слонялся по саду. Папа уехал оформлять какие-то документы для корпорации, Ларри просиживал целые дни над юридическими книгами, и поговорить Питеру было не с кем. Он все ждал, что придет Йонас, но того что-то не было видно. «Наверное, учится, – вздыхал Питер, вяло пиная футбольный мяч по дорожкам сада. – Тетка у него – чистый изверг, а оценки по большинству предметов так себе». Обычно Питер делал за Йона домашние задания по литературе и английскому, но оценки в классе его друг получал унылые. Он бы и в школе ему подсказывал и помогал, но Йонас учился в школе для мальчиков на другом конце Дувра.

Мяч закатился в дебри живой изгороди, Питер опустился на колени и полез его доставать. И столкнулся с Фроззи, азартно добывающим кого-то из раскопанной норы.

– Иди отсюда, грязное чудовище, – проворчал Питер, одной рукой выталкивая мяч, а другой подпихивая пса под белоснежный зад.

Бишон обиженно тявкнул и попытался вернуться к своему занятию. Питеру пришлось брать его на руки и относить маме.

Миссис Палмер на лужайке накрывала стол для подруг Агаты. Сама Агата торчала у ворот, то и дело поправляя локоны перед карманным зеркальцем.

– Мам, – окликнул Оливию Палмер младший сын. – У нас теперь два бишона и один грязевой монстр. Перед гостями будет неудобно.

– Фроззи! Какой ужас! Давай его сюда, я попрошу Лорну его помыть.

Перепаханную собаку мама понесла в дом, а Питер ухватил со стола горсть клубники и побрел к пруду. Попадаться на глаза подружкам Агаты ему совсем не хотелось. Они либо смотрели сквозь него, либо в их взглядах скользило легкое презрение. И то и другое Питеру было одинаково противно.

Размышляя над тем, что никто из супергероев не страдал от лишнего веса, Питер уселся на скамейку у пруда и одну за другой съел прихваченные с собой клубничины. Над зеркальной гладью пруда стрекозы гоняли мелких насекомых, ветки молодой ивы у дальнего берега почти касались воды. Офелии не было видно: в жару русалка предпочитала находиться в глубине. Всплывала она вечерами, когда к пруду спускался мистер Палмер с миской порезанной ломтиками рыбы. За неделю Офелия перестала его бояться, смело брала пищу из руки и вот уже два дня как терпела человеческие прикосновения. Прут с голубым огоньком на конце ни разу не понадобился, что очень радовало Питера. Меньше всего он хотел бы, чтобы девочка-цветок испытывала боль.

Он спрашивал отца, какая Офелия на ощупь. Мистер Палмер пожимал плечами, отвечал неопределенно: «Холодная и гладкая. И волосы мокрые». А Питеру так хотелось прикоснуться к ней самому...

Услышав его вздох, из сада прибежали Лотта и Сноу, притащили маленький мячик, звонким лаем принялись требовать внимания.

– Мам, забери их! – взмолился Питер, но ответа не последовало: миссис Палмер находилась где-то в доме.

Мальчишка с десяток раз кинул игрушку в сторону лужайки, и ему надоело. Но неугомонные собаки раз за разом требовали продолжать игру.

– Идите донимайте Агату, – упрасивал их Питер, но бишоны неумолимо притаскивали мячик ему.

В очередной раз зашвырнув мяч подальше, Питер обернулся к пруду и заметил знакомые ушки-плавнички в десятке метров от берега. Офелия с интересом наблюдала за тем, как собаки весело носятся по каменной дорожке, отбирая друг у друга игрушку.

– Привет, – дружелюбно окликнул ее Питер. – Я рад тебя видеть. Сегодня опять жарко, и я думал, что ты будешь отсиживаться в гротах.

Он ждал, что она отпрянет и спрячется, но русалочка подплыла ближе. Лотта отобрала у Сноу мячик и принесла игрушку Питеру. Бросила у ног, требовательно затыкала. Офелия нырнула и тут же снова показалась над водой. Расправила ушки, приоткрыла рот и склонила голову набок. «Похоже, ей интересны собаки, – решил Питер. – А может, она хочет поиграть?»

Мальчишка забрал у Лотты мяч, повертел его в руках.

– Офелия, хочешь мячик? – спросил он, присаживаясь на край дорожки у воды.

Лотта вопила и прыгала, пытаясь достать игрушку. Питеру пришлось поймать собаку и зажать ее под мышкой.

– Тихо! Лотта, фу! – скомандовал он и бросил мячик в пруд.

Русалка мгновенно скрылась под водой. Питер решил, что она испугалась, но тут под мячом, покачивающимся на поверхности, появилось светлое пятно. Офелия покружилась под ним, вынырнула рядом и устала на игрушку.

– Это мячик, – пояснил Питер, удерживая азартно вырывающуюся собаку. – Мячик. Мяч. Он красный. Красный мяч.

Офелия описала круг, рассматривая игрушку. Подплыла совсем близко, ткнула пальцем, отпрянула боязливо. Питер рассмеялся: знакомство русалочки с мячиком выглядело пре-забавно. Она отвлеклась, устала на мальчишку. Похоже, звук смеха интересовал ее не меньше мяча.

Отчаявшись отыскать мячик в кустах вокруг лужайки, к пруду прибежал Сноу. Увидел русалку, заворчал, забрался под скамейку.

– Хоть ты на нее не вопишь, – усмехнулся Питер и поднял перед собой лающую Лотту. – Видишь, Офелия? Лотта требует свой мячик обратно.

Русалка растянула губы в подобии улыбки, сверкнули острые зубки.

– Здорово! – воскликнул Питер. – Да ты улыбаешься! Офелия, мяч. Мяч. Давай его сюда. Мяч.

Удивительно, но она его поняла. Нырнула, покружилась немного и выплыла, ухватив мячик зубами.

– Не так, – покачал головой Питер. – Надо руками. И бросать. Вот, смотри.

Он опустил Лотту на дорожку и сделал жест, будто что-то берет в руки и бросает. Офелия отпустила мяч и замерла, не сводя с Питера больших черных глаз. Уши-плавнички то приподнимались, расправляясь, то прижимались к мокрым волосам. Мяч покачивался на воде рядом с ней, и Лотта лаяла, не умолкая. Наконец Офелия совсем по-человечески кивнула, обхватила игрушку тонкими пальчиками и взвилась из воды в окружении сверкающих брызг.

– Ух ты!!! – пораженно выдохнул Питер, наблюдая это восхитительное зрелище.

Красный резиновый мячик стукнулся об край скамейки и покатился в траву. Собаки радостно завопили и бросились его ловить. Офелия вынырнула поодаль и, как показалось Питеру, вся сияла от радости. Мальчишка отобрал у собак игрушку и снова бросил в пруд. Секунды спустя мяч вернулся обратно.

– Молодец, Офелия! – крикнул Питер. – Лови мяч!

Она снова прыгнула, перехватила летящий мячик, утащила его в глубину. Бишоны топтались у самой кромки воды, обиженно скулили. Питер замер, пытаясь угадать, где вынырнет русалка. Или выскочит мячик.

Мяч ударил его по ноге. Питер повернулся вправо и увидел Офелию под мостками – там, откуда отец прикармливал ее рыбой. Русалочка выглядывала из-за опор мостков и выглядела чрезвычайно довольной. Питер подбросил мячик в руке, и игра возобновилась. Мальчишка бросал мяч, Офелия перехватывала его на лету, пряталась под водой, выныривала внезапно и кидала игрушку Питеру. Собаки носились по дорожке взад-вперед и галдели без умолку.

Так их и застали миссис Палмер, Агата и пятеро старшеклассниц, приехавших в гости. Зрелище играющей с мальчиком русалки было настолько неожиданным и красивым, что дамы замерли, не решаясь нарушить идиллию и словом. Офелия была прекрасна в сияющем ореоле брызг под ярким солнцем, в своих развевающихся ленточках, оборках и воланах. Такого волшебного зрелища ни в одном кино не показывали. Питер смеялся, перебегая с места на место, бросая мяч – довольный, растрепанный, счастливый.

– Лови, Офелия! Умница! Какая ты молодец! – кричал он, хлопал в ладоши. – Бросай мячик!

В разгар игры Лотта не выдержала. Прыгнула в пруд и поплыла к мячу, отчаянно колотя по воде лапами. Офелия тут же нырнула. Заскользила под самой поверхностью легкая белая тень.

– Лотта, назад! – закричал перепуганный Питер.

Агата пронзительно завизжала, заметалась. Миссис Палмер и девочки помчались к пруду, все наперебой звали собаку. Та скулила, кружа на месте, как белый комочек ваты.

– Лотта, миленькая, сюда! – Питер встал на колени, протянул руки над самой водой. – Ко мне, Лотта! Плыви сюда!

Офелия вынырнула возле собаки, та перепугалась окончательно, принялась подвывать. Кто-то из девчонок воскликнул:

– Да она ее утопит!

Питер заплакал. До Лотты было слишком далеко, русалка кружила рядом, и мальчишка помнил, что точно так же она делала, когда отец бросал ей крупную рыбу. Мальчишку трясло, он звал и звал собаку, беспомощно глядя на то, как она все больше погружается в воду, намокая.

– Офелия, нельзя! Не трогай! – кричала миссис Палмер.

Русалка нырнула. Питеру показалось, что у него кончился воздух. Или кто-то ударил его в живот, перебив дыхание. Сейчас... вот сейчас вода под Лоттой посветлеет, станет белой, как сама собачка – и все, Лотта исчезнет. Мальчишка закрыл лицо руками. «НЕТ! Офелия, НЕТ!» – взмолился он молча, не в силах ни вздохнуть, ни вскрикнуть. Подоспевшая мама обхватила его руками, прижала к себе. Питер вжался лицом в ее платье, пропахшее ягодным джемом и выпечкой. Больше всего на свете ему сейчас хотелось спрятаться, перестать слышать, оказаться далеко-далеко отсюда.

– Офелия... – обронила миссис Палмер в наступившей тишине. – Господи...

Что-то заставило Питера открыть глаза и оглянуться.

Офелия двигалась к берегу, словно шла в воде, погружаясь до плеч. В руках у нее была Лотта – живая, очень довольная, занятая важным делом: собака вылизывала русалочке щеку. Офелия с удивлением рассматривала ее, бережно поддерживая одной ладонью под живот, а другой касаясь то пушистой макушки, то мокрой шерсти на спине. И улыбалась.

Агата примчалась, когда русалка почти подплыла к берегу. Хлестанула ее прутом – тем самым, что отец брал с собой «для безопасности».

– Отпусти ее, гадина! – в слезах вопила Агата, лупя прутом, почти не глядя. – Не трогай мою собаку, мерзавка!!!

Питеру показалось, что Офелия вскрикнула. Тонкие руки, держащие Лотту, метнулись, закрывая лицо. Собака глубоко окунулась в воду, взвыла, замолотила лапами – и вот уже мис-

сис Палмер подхватила ее, вытащила на берег. И Питер словно очнулся. Налетел на сестру, вцепился в руку, держащую прут.

– Дура! Не смей! Она спасла ее! Что ты делаешь? – орал мальчишка, заливаясь слезами. – Это больно! Это очень больно!

Растаскивали их миссис Палмер и гости Агаты. Мама увела Питера в дом – за руку, как маленького; умыла, напоила водой, в которую накапала перед этим успокоительного. Агату утешили девчонки, рассказали, как все случилось на самом деле. И уже через двадцать минут над лужайкой, где мама накрыла стол, зазвучал веселый девичий смех.

Питер даже к ужину не спустился. Лежал ничком на кровати, уткнувшись лицом в вытянутые руки, и думал об Офелии. В память врезались полные боли и обиды черные глаза русалочки. И рассеченная прутом оборка пышного платья, которая – Питер помнил – была частью самой Офелии.

Когда совсем стемнело, в комнату Питера зашел мистер Палмер. Присел на край кровати, погладил сына по голове.

– Мама мне все рассказала, Пит, – тихо и медленно, словно тщательно подбирая каждое слово, сказал он. – Пожалуйста, не обижайся на сестру. Она очень испугалась за собаку. И все не так поняла. Она тоже переживает, сын.

Питер хотел сказать, что никто Офелию не любит, что все воспринимают ее как опасное дикое животное, и это глупо, это неправильно, но не смог. Лишь съежился и глубже уткнулся в подушку. Отец посидел рядом еще пару минут и ушел. Окно в комнате Питера было открыто, и мальчик услышал вскоре, как отец на крыльце сказал маме, что русалка не ест и вообще не выныривает, как бы он ее ни звал. И похоже, что тренировки с ней придется начинать с самого начала.

Как только в доме все стихло, Питер спустился в сад. Бездумно подобрал валяющийся на дорожке собачий мячик и пошел к пруду. Ночь была темной, луна пряталась в облаках, и мальчик не сразу разглядел сидящую на мостках над водой фигуру.

– Ты что тут забыла? – сурово спросил он.

Агата вздрогнула и обернулась.

– Заснуть не могу, – призналась она. – Начинаю дремать – и мне кажется, что кто-то плачет.

Питер сел рядом с ней, свесил с краю ноги. Вода под ним отражала темное, закутанное в облака небо. Воздух сладко пах розами и жасмином. Где-то вдалеке в деревне лаяли собаки. Питер оперся ладонями о деревянную поверхность мостков и закрыл глаза. Представил себе глубину пруда: темную толщу прогретой за день воды со слабым-слабым течением, стебли кувшинок с широкими тарелками листьев по поверхности – будто раскрытые зонты. И тишину. Гнетущую тишину, не нарушаемую ничем.

«Как же тебе одиноко там, в глубине...»

– Я думала, она выплывет, – вдруг сказала Агата. – Хоть вдалеке, но покажется. И я извинюсь перед ней. Хоть она и рыба.

– Это не она рыба, это ты дура! – взъелся Питер. – Пойди, хлестни себя этим прутом хоть пару раз! На себе испытай, как это больно! Она играла со мной. Она принесла Лотту обратно. Лотта утонула бы, понимаешь? А ты... А ты...

Он зашвырнул мяч далеко в воду и обратился к растерянной Агате искаженное злой гримасой лицо.

– Как же я тебя ненавижу! – выдохнул он. – Ты всегда все только портишь! Ничего ты не раскаиваешься! Просто папа тебе выговорил, и ты притворяешься, что тебе жаль! Я слышал, как ты со своими дурацкими девками тут смеялась. Понравилось им? Показала пленную зверюшку в клетке и себя в роли смелого укротителя?

– Питер, ты что...

Он неуклюже забрался на мостки, встал.

– Да иди ты в жопу, курица, – по-взрослому грубо бросил он и сделал шаг в направлении дома.

И едва не наступил на лежащий у края деревянного настила маленький мокрый мяч.

Глава 11

Йонас объявился через неделю. Пришел в небывалую рань, понурый, в надвинутой на глаза бейсболке, извинился перед Палмерами-старшими за отсутствие.

– Простите, пожалуйста, – глядя на сбитые носки своих дешевых кроссовок, произнес мальчишка. – Я был не здоров, а тетушка не сочла нужным вам об этом сообщить. Миссис Палмер, я все отработаю. Я виноват.

Оливия Палмер растрогалась, обняла мальчишку, сунула ему в карман куртки горсть конфет. Мистер Палмер хлопнул сконфуженного Йона по плечу и быстренько наметил план работы:

– Рад, что ты вернулся, парень. Пока нет дождя, опрыскай смородину и молодые яблони, а если останется время, подравняй кусты на въезде в усадьбу. И возьми в сарае лестницу, отпили ветки клена у гаража: они мешают открывать ворота.

– Ах-ха, – с готовностью кивнул Йонас. – Я могу начать прямо сейчас?

– А как же школа? – насторожилась миссис Палмер, пакуя Питеру и Агате сэндвичи.

В ответ Йонас пробурчал что-то невразумительное и выскользнул во двор. Конечно, Питер подхватил школьную сумку и помчался за ним.

– Машина через пять минут! – крикнул ему вслед отец.

– Милый, не забудь с собой ланч! – добавила мама.

Друга Питер нагнал уже у сарая с инструментами. Йонас насвистывал какой-то мотив, колупая ключом в замке.

– Ну привет! – дружелюбно окликнул его Питер и протянул руку.

– Привет, Пит Наглажен И Побрит! – усмехнулся Йонас, отвечая на рукопожатие.

– Ну-ка, ну-ка... – Питер настороженно заглянул под козырек бейсболки. – Охренеть. Йон, это кто сделал? Выглядишь ужасно.

– Не, это уже пустяки, – ухмыльнулся Йонас. – Зубы и кости целы, остальное фигня.

«И я еще переживал за разбитый нос», – подумал Питер, хмуро разглядывая здоровенный лиловый фингал на левой скуле друга, рассеченный висок с двумя швами и сбитые костяшки пальцев на разукрашенных ссадинами руках. Йонас проследил его взгляд и убрал руки за спину.

– Да все нормально, заживет, – успокоил друга он. – Пару дней назад выглядело куда хуже.

– Кто тебя так? Только не говори, что тетка.

– Да местные! Ты не думай, им тоже досталось.

– Опять нацистом дразнили? – со вздохом спросил Питер.

Йонас открыл дверь в сарай, шагнул внутрь и поманил друга за собой.

– Пит, кроме тебя, я никому не могу доверять, – сказал он очень серьезно. – Ах-ха?

– Сам знаешь, я ничего никому не скажу, – так же серьезно ответил ему Питер. – Быстрее рассказывай, что стряслось.

– Давай все же после школы?

– Нет уж, говори хоть в двух словах!

Мальчишка помялся, вздохнул и полез за пазуху. Питер ожидал чего угодно: что он вытащит нож, пистолет, толстую пачку денег, секретные чертежи военных разработок... но только не пикси.

Маленькое крылатое существо сидело на ладони Йонаса, обнимая его за большой палец. Разлохмаченные ярко-рыжие волосы, нежно-фиолетовая кожа, крупный растянутый рот, полный махоньких острых зубов. Питер видел пикси прежде, но они были крупнее. Малявка, дрожащая на ладони друга, была ростом не больше пятнадцати сантиметров, с тощими ножками

и ручками. И со сломанным прозрачным крылом, заботливо укрепленным спичками, нитками и клейкой лентой.

– Я его отобрал, – поглаживая растрепанную шевелюру пикси кончиком мизинца, вздохнул Йонас. – Он сбежал у кого-то, а эти придурки поймали. Решили в инквизиторов поиграть. Уроды.

Фиолетовая мелочь тихо пискнула, не открывая зажмуренных глаз. Йонас поднял руку, поднося пикси к лицу Питера, и мальчишка разглядел выбитые на боку малыша цифры и инициалы прежнего владельца.

– Йон, его вернуть надо, – сказал он неуверенно.

– Зачем? – неожиданно жестко спросил Йонас, прикрывая пикси ладонью.

– Ну... Он же собственность. Как машина. Если ты его вернешь, тебе заплатят денег. Ну... вознаграждение. А если нет – могут обвинить в воровстве.

Пикси снова то ли чирикнул, то ли что-то пропищал, и Йонас переместил его за пазуху. Посмотрел на Питера так, что тому захотелось шагнуть назад.

– Они не собственность, Пит. Это разумные существа. И то, что люди с ними вытворяют, пользуясь тем, что в нашем мире они беспомощны, – это мерзость. Вы уже били свою русалку током? – глухо спросил он.

– Йон, ты что? Мы кто, по-твоему? – ошарашенно спросил Питер – и вспомнил про Агату.

Йонас отвел взгляд. Снял висящий на стене кусторез, сунул в задний карман штанов секатор.

– Ты иди, тебя машина ждет, – отвернувшись, сказал он.

– Я после школы сразу к тебе. Мир?

– А мы что – ссорились?

– Тогда не веди себя так, будто тебе совсем башку отшибли! – отчеканил Питер и ушел.

Весь день в школе он думал о том, что сказал Йонас. Сперва гонял в голове их диалог, возвращая в себе обиду. Еще бы: неделю не виделись, а он так... как с врагом. И было бы с чего! А потом мальчишка вдруг понял, что Йонас очень переживает за Офелию. И за него, Питера, тоже. Потому что оттудыши – не животные. У них есть эмоции, они умные... и, возможно, способны на месть. От последней мысли Питер похолодел: Агата ударила русалку, обидела ее, причинила боль. А вдруг Офелия озлобилась и теперь ждет шанса, чтобы сделать что-то жуткое в ответ?

«Надо поговорить с Агатой, – глядя в окно на легкие перья облаков, думал Питер. – Я должен ей объяснить, что оттудышей обижать нельзя. И предупредить, чтобы не подходила к пруду».

– Мистер Палмер, – раздался прямо над головой голос учителя, – я все понимаю: лето, три дня до каникул. Но не соблаговолите ли вы из элементарной вежливости присутствовать на уроке?

Класс засмеялся, Питер буркнул извинение и попытался сосредоточиться на теме занятия, но через пять минут в голову опять полезли посторонние мысли.

«Пикси... Вроде они тоже оттудыши, подневольные, пленники. Вроде этот малявка сбежал от владельца. Должен людей бояться и ненавидеть – так пишут про них. А к Йонасу вон как льнет. Странно... Что, в книгах и журналах врут? Или пикси Йона какой-то особенный? Стоп. Йонас же родом из окрестностей «Лятна междумирья». Он без родителей остался, сам говорил, что это из-за войны. Тогда почему он не ненавидит оттудышей?»

С соседнего ряда передали записку. Питер хотел отправить ее дальше, но увидел на клочке бумаги свое имя. Причем аккуратным округлым почерком. Девчонки никогда Питу не писали, сколько он себя помнил. Разве что в порядке розыгрыша. Видимо, решили похихикать над ним перед летними каникулами. Питер вздохнул и развернул записку.

«Привет, Пит! Я слышала, у вас есть русалка. А пригласишь посмотреть? Я за это с тобой в кино схожу. Уилла Джонсон».

Сперва он обрадовался. Еще бы: одна из трех самых красивых девчонок в классе написала ему записку! Да еще и в кино предложила! А потом Питер перечитал ровные строчки еще раз, и ему стало невероятно противно. Он ей русалку, а она с ним в кино. Значит, Уилле не интересно подружиться с ним самим, а просто хочется поглядеть на Офелию. Как подружкам Агаты. И он равнодушно отложил записку в сторону.

На перемене Питер почти бегом бросился в туалет. Открыл там окно и вылез на задний двор, где привычно курили старшеклассники. Спрыгнул в вытопанную среди некошеной травы площадку, прошел несколько шагов и сел на корточки под стеной. Старшеклассники проводили его настороженными взглядами и вернулись к обсуждению политики и гоночных автомобилей.

Питер съезжился, обняв колени руками и уткнувшись в них подбородком. Хотелось заорать, чтобы распугать криком все ненужные, сложные и пугающие вопросы, что навалились на его бедную голову. Но он знал: не поможет. Можно начать думать о другом, можно тайком читать под партой книгу или рисовать на промокашках комиксы, но вопросы все равно останутся. Такие, которыми не поделишься ни с кем. А у самого на них пока нет ответов, да и искать ответы страшно.

По сосновым иголкам в траве сновали муравьи. Питер посмотрел на них и подумал: «Вот тоже не люди, а непонятные нам существа. Почему мы их не боимся, не уничтожаем, не стараемся засунуть в ящик? Они такие же, как наша Офелия. У них своя жизнь, они не говорят и не понимают нас. Почему мы можем с ними не воевать, а с оттудышами – нет? Оттудыши же не виноваты, что наши миры слиплись, как растаявшая конфета и бумажный фантик. Говорят, они хотят нас захватить, уничтожают все, до чего дотягиваются. Потому наши армии постоянно загоняют их обратно. Восемнадцать лет... А почему за это время не построили стену? Просто высокую стену вокруг £пятна междумирья“? Ну дураку же стало бы ясно: не лезь, сюда нельзя, тут тебе не рады. А мы воюем...»

– Эй, дружок, ты чего?

Над Питером склонился высоченный широкоплечий старшеклассник. Кажется, Пит уже видел его раньше. «Наверняка кто-то из наших спортсменов», – подумал мальчишка.

– Все в порядке, – поспешно ответил он верзиле.

– Обидел кто? Или оценку не ту схлопотал перед каникулами? – продолжал допытываться парень, дыша на Питера табачной вонью.

– Просто достали все. Честно. Я хотел всего лишь посидеть тут.

Старшеклассник присел с ним рядом, затянулся, хмыкнул.

– Мне подруга сказала, тебя хулиганье достает. Взгреть их разок? Чтобы больше не сунулись.

Питер помедлил с ответом. Подруга? Интересно, это кто же обратил внимание на его проблемы? Идея взгреть Дюка, конечно, была хороша, но... Что-то в ней было не так.

– А кто ваша подруга? – осторожно поинтересовался он.

– Беата Литтл, – широко улыбнулся парень. – Лучшая девушка на свете.

Мальчишка вспомнил светловолосую красавицу в коротком платье. Ну надо же... Видимо, феи среди людей все же существуют. И эти феи замечают обыкновенных мальчишек. Даже страдающих избыточным весом не красавцев.

– Ты же Пит Палмер, верно? – прищурился старшеклассник.

– Угу. А что?

Парень выпустил струйку дыма из угла рта, усмехнулся.

– Ну, типа ваша семья – местная знаменитость. Отец ездит на модной тачке, сестрица набирает популярность среди любителей тощих цып. А про вашу русалку в Дувре не слышал

только глухой. А еще твой брат в старших классах играл за городской футбольный клуб. Чего он бросил, не знаешь?

– Ларри занят. Он учится на адвоката, недавно защитил диплом, – ответил Питер и, неуклюже помогая себе руками, поднялся.

– А я думал, адвокаты защищают людей, а не дипломы, – не выпуская сигарету изо рта, сказал верзила, и парни, курящие чуть в стороне, заржали.

Питер бросил в их сторону сердитый взгляд и поспешил уйти из курилки. Не хотелось, чтобы вонючий дым въелся в одежду и волосы и мама устроила бы допрос по возвращению домой: «Питер, ты что – куришь?!» Мальчишка ясно представил себе недовольное мамино лицо, нахмуренный лоб, взгляд, подозревающий младшего сына во всех смертных грехах разом, бишонов, обнюхивающих школьные брюки... и неожиданно для себя самого рассмеялся.

Высоко-высоко в небе над школой, над верхушками сосен парка через квартал летел самолет. Питер помахал ему рукой, и ему показалось на миг, что самолет ответил ему, качнув крыльями. Вдруг стало легко-легко, все проблемы отделились, ушли неприятные мысли, и в голове стало так ясно, будто Питер вдохнул частичку солнца и высокого летнего неба.

«Не так уж и важно, что происходит вокруг тебя, – подумал он. – Важнее то, как ты сам к этому относишься и поступаешь. И если не ты решишь, а за тебя кто-то, это будет неправильно. А неправильное потащит за собой другие неверные поступки. И мир просто завалится набок и сломается для тебя навсегда. Значит, каждый из нас должен держать свой мир ровно, поступая правильно. Мир Йонаса не падает, потому что Йон смелый и помогает другим, не боится никакой работы и деревенских мальчишек. И для его мира было правильным не возвращать оттудыша владельцам. А что правильно для моего мира? Что я должен делать, чтобы мне было спокойно? Чтобы быть счастливым, как раньше?»

Прозвенел звонок, и Питеру пришлось вернуться в класс. На уроке он был собран, с интересом слушал рассказ учителя о горных системах Европы и проигнорировал две подброшенные записки, адресатом которых он значился красивым округлым почерком. Тревога оставила его, но вопросы никуда не делись. Когда занятие закончилось и вместе с ним и учебный день, Питер быстро смахнул вещи со стола в сумку и поспешил на перекресток коридоров первого этажа: место, где они неизменно встречались с Кевином Блюмом.

Кевин задержался минут на пять. Питер заметил его издали: пушистая шапка кудрей, виднеющаяся над раскрытой книгой, медленно продвигалась в толпе по школьному коридору. Способность приятеля читать на ходу, не падая и ни в кого не врезаясь, Питера всегда удивляла. «Интересно, на уроках Кев читает под партой?» – с улыбкой подумал Питер.

Видимо, сегодня у Кевина в руках было что-то из ряда вон интересное. За тощим мальцом вился хвост из мальчишек помладше и даже из двух восьмиклассников. Все они старались заглянуть в раскрытую книгу. Когда Кевин приблизился, Питер смог прочесть надпись на обложке: «Эксперимент £Филадельфия“: теории и факты».

– Ого! – удивленно воскликнул он. – Кев, привет! Это у тебя откуда?

Кевин нехотя закрыл книгу, бережно пристроил ее под мышку. «Хвост» разочарованно вздохнул и рассеялся в разные стороны.

– Привет, Пит! Да вот, ездили в выходные с папой в Лондон. Мои оценки по математике были вознаграждены. Как твои дела?

– Все отлично, спасибо, – кивнул Питер и очень серьезно сказал: – Кев, у меня есть важный вопрос. Поможешь?

– Валяй, – ответил он и поправил сползающие очки.

– Вот смотри. У тебя бывает такое, чтобы ты чувствовал себя несчастным без причины? Как будто что-то такое происходит, что ты до конца не осознаешь, но чувствуешь, что это нехорошо.

– Бывает. Это был тот вопрос, да?

– Нет. Вопрос вот: что ты в таких случаях делаешь? Ну чтобы опять стать счастливым.

Они отошли к стене, чтобы не мешаться на проходе. Кевин помолчал минуту, глядя куда-то вверх, а потом выдал:

– Знаешь, я обычно представляю себе, что живу последний день. И завтра меня не будет. И думаю, что я должен успеть сделать, чтобы не было стыдно за мой последний день. И как-то все сразу становится понятным, самое важное остается, а всякая шелуха отваливается. И я сосредотачиваюсь на этом важном.

– И все? – удивился Питер.

– А дальше поступаю по совести, – важно ответил ему приятель.

– Как-то оно звучит... слишком идеально. Ты правда так делаешь или просто умничаешь сейчас?

Кевин покраснел, выдал долгое «Э-э-э...» и уже собрался что-то ответить, как к ним с Питером подошли девчонки. Целой стайкой, человек восемь – десять. Возглавляла процессию Уилла Джонсон. Она остановилась, улыбнулась и поправила волосы – совсем как актриса кино.

– Привет, Палмер, – кокетливо произнесла Уилла. – Ты не ответил на мое предложение, и я решила подойти сама. Покажешь мне вашу русалку?

– Взамен на поход в кино? – уточнил Питер.

– Ага. И взрослый поцелуй, – проворковала Уилла и опустила ресницы.

Девчонки зашептались, кто-то завистливо протянул: «Везе-о-от...» Кевин кашлянул и приподнял брови. Питер вспомнил, что взрослые называют такое выражение лица «ироничным», но никак не мог сообразить, что именно это означало. Видимо, Кев был удивлен и ждал, чем все закончится.

Питер посмотрел на Уиллу и коротко ответил:

– Нет.

– А если я предложу то же самое? – раздалось за спиной. – Мне ты тоже откажешь?

Мальчишка обернулся, и сердце его радостно встрепенулось: рядом с ним стояла Беата Литтл, божественная белокурая старшекласница, которую он мечтал отблагодарить конфетами или цветами. Она сама к нему подошла, она с ним заговорила!

И тут он вдруг понял, что она сказала. И ему стало ужасно неприятно. Такое же чувство он испытал прошлой весной, когда захотел погладить Сноу и увидел, что у того в зубах дохлая лягушка.

– Зоопарк не работает, – сурово произнес Питер, толкнул Кевина в бок и добавил: – Идем.

– Простите, леди, у нас с мистером Палмером неотложные корпоративные дела! – Кевин остроил клоунскую гримасу и помчался догонять уходящего Питера.

Глава 12

Мокрая после дождя трава приятно холодила босые ноги. Ручей нес свои воды, мягко серебрясь в лучах предзакатного солнца. По стеблю одуванчика полз деловитый длинный жук с черными надкрыльями. Питеру он напоминал скрипача, опаздывающего на концерт. Жук очень торопился, перебирал длинными нескладными лапками, сердито шевелил усами: «Пропустите! Я первая скрипка! Мне надо срочно занять свое место в оркестре!»

– Пит, залазь сюда, – окликнул Йонас с ветки громадной кряжистой ивы. – Тут классно. И вода вся просматривается до дна.

Питер поглядел вверх, приставив ко лбу ладонь козырьком. Йонас сидел над самой водой, прислонившись спиной к мощному стволу дерева и свесив по обе стороны ветки босые ноги. Красная бейсболка лежала перед ним, и над ее краем реял огонек хохолка любопытного пикси.

– У тебя клюет! – воскликнул Питер, заметив колебания красного пробкового поплавка.

Йон кивнул, прищурился, глядя на разбегающиеся по воде круги, ловко подсек – и вот уже пятая пойманная им плотва затрепыхалась в воздухе.

– Сцапашь? – спросил он Питера.

Мальчишка кивнул, перехватил играющую серебристыми боками рыбу, снял ее с крючка. Полюбовался: хороша, больше ладони! Плавники красные, хвост серпом. И червя слопала всего без остатка. Питер отправил плотвицу в ведро с водой, вытащил из жестянки червяка, насадил на крючок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.